

Александр Воронцов

16+

Прийти в себя. Вторая жизнь
сержанта Зверева

Книга пятая. Кирдык вашей Америке!

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева

Александр Воронцов

**Прийти в себя. Вторая жизнь
сержанта Зверева. Книга
пятая. Кирдык вашей Америке!**

«Автор»

2021

Воронцов А.

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева. Книга пятая. Кирдык вашей Америке! / А. Воронцов — «Автор», 2021 — (Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева)

Советский Союз стремительно меняется. Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Григорий Романов назвал эти перемены Перестройкой. «Попаданцы» из будущего в прошлое помогают предотвратить многие ошибки советского, а позже и российского руководства – войну в Афганистане, Чечне, потерю союзных республик, упадок и развал экономики. Но не все так просто – Максим Зверев, который единственный из попаданцев способен возвращаться из прошлого в будущее, обнаруживает, что будущее тоже меняется. И не всегда в лучшую сторону. А самое главное – локальное изменение будущего невозможно. Максим Зверев понимает это после того, как на него выходят спецслужбы США. Оказывается, у американцев тоже есть свои попаданцы. Которые находятся под контролем ЦРУ. И его директор Джина Чери Хаспел начинает свою игру...

© Воронцов А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Коммунисты против коммунистов	6
Глава вторая. Всё тайное становится явным	11
Глава третья. Союз Свободных Суверенных Республик	16
Глава четвёртая. «Просто я работаю волшебником...»	21
Глава пятая. Третья сила	27
Глава шестая. Друзья вспоминают минувшие дни	34
Глава седьмая. Американский ниндзя	40
Глава восьмая. Мальчик-убийца	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Воронцов

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева. Книга пятая. Кирдык вашей Америке!

Пролог

Любая информация, которая не укладывается в привычные шаблоны, может быть с ходу отвергнута. Уж так устроен человек – он консервативен и догматичен, он в штыки принимает всё новое и необычное. Очень долго люди привыкали к тому, что земля круглая. До сих пор многие так и не приняли эту версию. А сколько учёных, подаривших миру свои открытия, закончили свою жизнь на костре? Но сегодня, когда то, что ещё несколько лет считалось фантастикой, внезапно становится реальностью, новые идеи быстрее проходят стадию от «этого не может быть» до стадии «в этом что-то есть». И спустя ещё какое-то время мы, принимая звонок по мобильному телефону, даже не думаем о том, что несколько лет назад это был бы отрывок из научно-фантастического романа, а не повседневность. Потому что разве может быть сегодня по-другому? Вот так и путешествия во времени сегодня пока ещё считаются невозможными. И только очень немногие люди на планете знают, что нет ничего невозможного...

Глава первая. Коммунисты против коммунистов

Советский Союз стремительно менялся. Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Григорий Романов назвал эти перемены Перестройкой. То есть, это был намек на то, что никто не будет менять всё здание, построенное коммунистами. И хотя регулярно выходившие на волнах радиостанций «Свободная Европа», «Голос Америки» и прочих содержанок ЦРУ передачи продолжали обличать «коммунистический режим» и лить крокодиловы слёзы по поводу нарушений в СССР прав человека, в голосах дикторов чувствовалась растерянность. Потому что перемены в Советском Союзе как раз и обеспечивали эти самые права человека.

Например, Коммунистическая партия Советского Союза внезапно разделилась на две партии. Такого просто не могло быть, и тем не менее, это произошло. Застрельщиком нового деления стал никому не известный первый секретарь Томского обкома КПСС Егор Лигачёв. Он выступил на пленуме ЦК РСФСР, как бывший заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по России. И в его выступлении впервые прозвучало это название – «обновлённая коммунистическая партия». Лигачёв – невиданная ранее смелость – подверг критике самого Генерального секретаря ЦК КПСС Григория Романова за решение польского вопроса. Нет, с одной стороны, Лигачев приветствовал ликвидацию волнений в Польше, но, по его мнению, это нельзя было делать ценой территориальных уступок. На весь Союз прогремела фраза Лигачева «Григорий, ты не прав!»

«Западная Украина и Западная Белоруссия вошли в состав СССР на законных основаниях, воссоединив украинский и белорусский народы. Сталин, чтобы сейчас о нём не говорили и не писали, был собирателем русских земель, он сделал Советский Союз могучим государством. А теперь мы в угоду международной политике готовы отдать эти территории полякам», – сказал Егор Лигачёв, выступая на пленуме коммунистов России.

Он заявил, что нынешнее руководство коммунистической партии пошло на поводу у либеральной западной буржуазии, которая провоцирует массовые волнения в Польше, Венгрии, Чехословакии и Югославии. Поэтому партии необходимо определиться – каким курсом она идёт?

«Мы – коммунисты – всегда были на страже интересов первого в мире социалистического государства. И если сегодня наши руководители внезапно решили изменить курс, то я открыто заявляю – мне с ними не по пути», – закончил своё выступление Лигачёв.

Откровение первого секретаря Томского обкома КПСС упали на подготовленную почву – после ухода Брежнева и его «старой гвардии» многие партийные чиновники, занимавшие свои руководящие посты со времён воцарения «дорогого Леонида Ильича» фактически находились в оппозиции к новому руководству. Которое они презрительно именовали «комсомольцами». 54-летний Григорий Романов хоть и был по брежневским меркам очень молод для поста Генсека, но из комсомольского возраста давно вышел. Равно как и его соратники – новый министр внутренних дел 56-летний Вадим Тикунов, новый министр иностранных дел 57-летний Николай Егорычев, новый глава КГБ 52-летний Филипп Бобков, новый министр обороны СССР 54-летний генерал армии Сергей Ахромеев. Комсомольцами они давно не были, но почти все прошли всю Великую Отечественную войну, от начала и до конца. Поэтому их скорее можно было назвать не комсомольцами, а «фронтовиками».

То есть, во власть вернулись резкие и жёсткие ветераны Великой Войны. Те, которые в отличие от политработника Леонида Брежнева, реально воевали, имели ранения и боевые награды, мёрзли, голодали, ходили в атаку и не боялись ничего и никого. Это были люди, которые прошли страшную войну, смотрели смерти в глаза, а главное – они были идеалистами. Они верили в будущее своей страны, верили в то, что именно коммунистическая идея сможет

поднять и сделать сильным советское государство. Сильным, свободным и справедливым. И для этого готовы были, как и во время той Великой Войны, пожертвовать всем. В том числе и собой.

А кроме тех, кто занял ключевые посты в новой советской иерархии, были и такие, как 59-летний Александр Шелепин с 53-летним Владимиром Семичастным. Вот они как раз в свое время и руководили комсомолом: Шелепин был первым секретарём, а Семичастный занимал должность секретаря ЦК ВЛКСМ. Поэтому их и прозвали комсомольцами. И позже, после смены Хрущёва, когда коммунистическую партию и СССР возглавил Брежнев, Шелепина с Семичастным, а также их соратников Тикунова, Месяцева, Егорычева и других обвинили в попытке заговора. Который так и называли в партийных кругах – «заговор комсомольцев». Теперь эти самые комсомольцы находились у власти.

А ведь Шелепин, и Семичастный в своё время возглавляли КГБ СССР. То есть, вовсе не были эдакими мальчиками для битья. И вот Семичастный вновь вернулся в Комитет госбезопасности, став заместителем Бобкова. А Шелепин по прозвищу «Железный Шурик» опять возглавил профсоюзы. Но уже совсем другие – после его возвращения они стали напоминать настоящую армию. У ВЦСПС появились собственные военизированные формирования так называемых спасателей для ликвидации аварий на предприятиях. И вскоре на базе профсоюзов было создано новое министерство, которое назвали министерством по чрезвычайным ситуациям. Понятно, что его возглавил Шелепин, оставаясь руководителем Всесоюзного центрального совета профсоюзов.

Появился в руководящем составе и 54-летний Николай Месяцев, который снова стал председателем Гостелерадио СССР. С его возвращением советское телевидение очень скоро просто расцвело. Буквально через месяц после того, как Месяцев возглавил Гостелерадио, на Шаболовку вернули закрытую в 1972 году телевизионную программу «КВН». И уже летом 1977 года на студии стали полным ходом снимать новые игры клуба веселых и находчивых. Появились и совершенно новые передачи – «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», в которой впервые в Советском Союзе показали выступления легендарных «Битлз», состоялась премьера новой юмористической программы «Весёлые ребята», где впервые на советском телевидении стали показывать пародии на отечественных и зарубежных эстрадных исполнителей и даже известных киноактеров. В общем, советское телевидение с каждым днём становилось всё ярче и всё праздничнее.

И всё это неимоверно раздражало «старую гвардию». Поэтому выступление Егора Лигачёва фактически стало стартом для открытой борьбы против нового руководства страны. Так называемый клан первых секретарей обкомов начал открытую войну против нового Генерального секретаря ЦК КПСС. И Романов принял вызов – созвал новый пленум. Теперь уже июльский.

А ведь раньше давненько их не было – пленумов этих. Ну, тех, которые не для галочки. Обычно были они два раза в год, например, в апреле и в декабре 1975-го. Начало года и конец года. Обычно как они проходили? Просто заслушивались доклады Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева, председателя Госплана СССР Байбакова и министра финансов СССР Гарбузова. Ну или просто «дорогой Леонид Ильич» зачитывал по бумажке очередные «задания партии и правительства». Потом общий «одобрямс» и «бурные, продолжительные аплодисменты».

Когда-то были пленумы другие. Революционные, можно сказать, пленумы.

В 1964 году октябрьский Пленум освободил Хрущёва от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР. Он же признал нецелесообразным впредь совмещать эти две должности. Первым секретарём ЦК КПСС тогда и был избран Брежнев, а на пост Председателя Совета Министров СССР был рекомендован и позже назначен Косыгин. Потом, почти через год состоялся сентябрьский Пленум ЦК КПСС, который принял план эконо-

номической реформы в СССР. И всё! Тишина. Снова пленумы стали рутиной, где просто подводились итоги года или давались задания на год «от имени партии и правительства».

Разве что проходили раз в пять лет съезды КПСС, которые принимали какие-то «судьбоносные» для страны решения. Например, еще при Хрущёве, на XXII съезде КПСС провозгласили, что советский народ к 1980 году будет жить при коммунизме! И приняли решение вынести тело Сталина из мавзолея Ленина. Через пять лет уже на XXIII съезде КПСС «вынесли» самого Хрущёва. Точнее, выперли с поста его раньше, осенью 1964-го, «по состоянию здоровья». А на съезде этот факт просто закрепили – ведь Никита Сергеевич формально оставался членом ЦК КПСС. Вот его оттуда и попросили.

Но съезды коммунистической партии – это, так сказать, совсем уж для галочки. Ведь Советским Союзом давно руководил не съезд, как высший орган руководства коммунистической партией, которая как бы через регулярно созываемые собрания своих делегатов руководила государством. Нет, страной руководили лидеры этой партии – члены Политбюро ЦК КПСС. Хотя, конечно, экономикой рулил всё же председатель Совета Министров СССР. Но всё равно, задачи-то ему ставила партия. Точнее, ее генеральный секретарь.

И вдруг что-то стало меняться. Причём, не на съездах, а вначале на пленумах ЦК. На внеочередном февральском Пленуме ЦК КПСС председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов был отстранен от должности, и ушел в отставку со своего поста министра иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко. Потом был очередной мартовский Пленум, где с докладом выступил новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Фёдор Давыдович Кулаков. Который сразу начал кардинальные перестановки и в Политбюро, и в правительстве.

Поэтому старые партийные чиновники – первые секретари обкомов, работники аппарата – и Центрального, и на местах – сразу почували неладное. И когда внезапно в самом центре Москвы было совершено покушение на Генерального секретаря, когда Кулаков был убит, многие поняли – начинается война. Война старого против нового. Хотя многие чинуши заняли выжидательную позицию, часть этих старых волков, работавших не только при Хрущёве, но и при Сталине, решила, что пришла пора дать бой этим зарвавшимся «комсомольцам».

К тому же ещё этот новый глава КГБ Бобков железной рукой прошёлся по всем обкомам и горкомам КПСС. Причём, в тесном взаимодействии с органами МВД. А сотрудники ОБХСС, которым раньше запрещалось разрабатывать партийных чиновников любого уровня, стали пачками сажать проворовавшихся номенклатурщиков вплоть до первых секретарей обкомов. Номенклатура, почував смертельную опасность, стала сопротивляться. Вначале инстинктивно, саботируя на местах указания из Москвы, а потом – уже и намеренно. Вот только не было у этой новой оппозиции лидера. Зато после своего знаменитого доклада им стал Егор Лигачёв, потребовавший перестройки не только в стране, но и в самой партии.

Нет, с одной стороны, он не отрицал саму идею перестройки.

«Откровенно хочется сказать: чертовски хочется заняться конструктивной работой, конкретными делами перестройки», – сказал Лигачев после своего выступления журналистам.

Но под перестройкой он и его соратники понимали совсем другие перемены. За которые собирались бороться. Именно эти коммунисты не хотели терять свои привилегии, спецпайки, спецдачи и прочие блага. Только не могли же они открыто заявить о том, что им нравится быть у корыта и жрать в три горла. Поэтому стали везде заявлять о том, что им «за державу обидно», что новое руководство ведёт страну не туда, что СССР гибнет и идеи Ленина в опасности.

А в стране началась самая настоящая революция. Вот только реально революционные изменения предлагал новый руководитель страны и партии – Григорий Романов. Но его оппоненты были против. На словах они как бы защищали завоевания революции, а на деле ратовали за бесправное положение простых людей и классовое неравенство. Новый класс угнетателей – партийное руководство и советские чиновники – не хотел в стране перемен.

И вот он – июльский пленум ЦК КПСС. На нем выступивший Генеральный секретарь ЦК КПСС Григорий Романов предложил переименовать коммунистическую партию Советского Союза. Не поняв хитрую интригу генсека, большинство делегатов – часть членов Политбюро и некоторые министры, как Союза, так и союзных республик, многие первые секретари обкомов и ряд других партийных и советских чиновников радостно ухватились за эту идею. И сам так называемый «застрелыщик» демократизации партии Егор Лигачёв поддержал предложение Генерального секретаря.

Да только Романов и его соратники оказались иезуитски хитры – проведя через пленум переименование КПСС в Коммунистическую партию (обновлённую), они как раз и закрепили руководящую роль именно новой, обновлённой коммунистической партии. Которая теперь стала называться КП(О). То есть, обновлённая. Вернее, называться так она стала после внеочередного XXVI съезда КПСС, потому что только недавно в феврале-марте 1976 года в Москве состоялся XXV съезд КПСС. Год назад – а как давно это было, и какая пропасть лежала между этими двумя съездами!

Итак, на последнем съезде КПСС было принято решение о переименовании КПСС в КП(О). Кроме того, на этом съезде был принят проект новой Конституции СССР. И хотя, с одной стороны, эта конституция закрепляла однопартийную политическую систему (статья 6) в Советском Союзе, но в то же время она внесла изменения в существовавшую в СССР систему органов государственной власти. В новой конституции высшим органом государственной власти СССР вместо Верховного Совета стал Съезд народных депутатов. А депутатами могли избираться кто угодно и даже совсем необязательно члены коммунистической партии, которых теперь в стране образовалось сразу две. И, получается, как когда-то уже было в истории коммунистов, в СССР опять появились большевики и меньшевики. Вот только большевики – те, которые обновлённые – были у власти. А меньшевиков от власти стали оттирать.

Всё было чинно-благородно – каждый коммунист имел право выбирать, в какой из двух версий коммунистической партии он хочет состоять. Нет, конечно же, ни одного из руководителей-хозяйственников, которые пожелали остаться в КПСС, с постов не снимали. А вот руководить обкомами КП(О) члены КПСС уже не могли.

По всей стране прошли аттестации руководящего звена КП(О), которые – как-то так совпало – были проведены с участием представителей Центральной ревизионной комиссии КП(О). И часть первых секретарей обкомов сразу стали не только бывшими, но и осуждёнными по уголовным статьям. Других освобождали, как не прошедших аттестацию или просто переводили на другую партийную работу. Ведь руководящую и направляющую роль партии никто не отменял. А руководить надо было не только в тёплых креслах персональных кабинетов, но и на стройках народного хозяйства, в том числе и в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и в других уголках необъятной советской Родины. И вскоре так получилось, что на ключевых постах, так сказать, у руля остались только члены КП(О), а вот все «меньшевики», которые остались в «старой» версии коммунистической партии, находились на вторых-третьих ролях. В том числе и новый лидер КПСС Егор Лигачёв.

Некоторые коммунисты демонстративно выходили из партии, даже сжигали свои партийные билеты. Но это были в основном рядовые коммунисты, не входившие в руководящее звено партии. А вот чиновникам пришлось туго – они вдруг оказались не просто не у дел, они лишились финансирования. Ведь, по сути, КПСС стала внезапно просто политической партией, но вовсе не партией, которая управляла страной. «Меньшевикам» позволили провести свой съезд, на котором секретарём партии коммунистов был выбран Егор Лигачёв. И партия стала называться ПКСС – партия коммунистов Советского Союза. Но все понимали, что Романов просто создал симулякр, параллельно изменив управленческую суть СССР. И теперь не звание коммуниста было главным для успешной карьеры, а, наоборот, достойными звания

коммуниста становились те, кто показывал реальные достижения в области государственного управления, строительства, промышленного производства и так далее.

И чиновники поняли, что проиграли. Но не все, и не везде. В союзных республиках, где всегда жили своей, особой жизнью, и не особо реагировали на политику Москвы, решили, что настала пора пожить отдельно.

Глава вторая. Всё тайное становится явным

На первый взгляд вокруг столько людей хороших, добрых, светлых, правильных. И вдруг происходят какие-то события и оказывается, что эти люди все свои силы, свои мысли и свои способности бросают в костер ненависти и злобы. И что тут первично? То, что они БЫЛИ добрыми и светлыми, но стали другими? Или то, что они такими, в общем-то, и остались, но их загипнотизировали, обманули, купили, переубедили?

Но если эти светлые и добрые в прошлом люди сегодня готовы убить всех, кто думает не так, как они – что, они изменились? Но, получается, если они изменились настолько серьезно, значит то светлое и доброе, что в них вроде бы было, на самом деле было наносным? А, может, они всегда были такими? Готовыми убивать... И просто внешне пытались казаться другими? Знаете, это как взять и покрасить старую трухлявую гнилую скамейку свежей краской. Внешне вроде такая конфетка получилась – сияет, прямо как новенькая! Радует глаз, а пройдут дожди, потом снег, зима... И смотришь весной – а скамейка-то гнилая...

Так и с людьми...

Москва, год 1977, сентябрь

Кирилл Трофимович Мазуров, первый заместитель председателя Совета министров Советского Союза, внимательно слушал Генерального секретаря ЦК КП(О) Григория Васильевича Романова. Который, хоть и пригласил его в свой огромный кабинет, тем не менее, именно он, Романов, докладывал Мазурову о результатах последних изменений в стране и планах на будущее. И сидел он не в своём огромном кресле, оббитом слоновьей кожей, доставшемся ему ещё от Брежнева, а за столом заседаний, на обыкновенном, хотя и удобном стуле. А Мазуров сидел напротив.

Вообще-то, если посмотреть на эту ситуацию с точки зрения партийной иерархии и субординации, то как раз Мазуров должен был докладывать руководителю советского государства, коим являлся Романов. Но на самом деле Мазуров фактически возглавлял существовавшую в СССР организацию, условно называемую Комитетом государственного контроля. Комитет этот можно было назвать параллельной советской властью. Или просто параллельной властью в СССР – ведь в Советском Союзе на самом деле власть вовсе не принадлежала Советам. Она принадлежала коммунистической партии. И вот оттого, что со временем партийные чиновники фактически превратились в новый класс угнетателей, извратив коммунистические идеи, а также по причине того, что все чаще в руководящих органах оказывались люди, действия которых были не просто некомпетентными, но и преступными, часть коммунистов старой закалки организовалась в некое тайное общество.

Можно, конечно, проследить аналогии вплоть до Тайного общества декабристов, которое закончилось всем известным выступлением против царя на Сенатской площади Петербурга, но тайное общество коммунистов в стране, которой правят коммунисты – это было не совсем «контра». То есть, Комитет государственного контроля не ставил перед собой задачу захватить власть в СССР. Изначально он негласно вмешивался во все вопросы государственного управления в СССР, в которых престарелые члены Политбюро ЦК КПСС недостаточно хорошо разбирались в силу преклонного возраста, догматизма и косности мышления. Ну, и непрофессионализма, конечно. Тот же Брежнев всю жизнь был на партийной работе, толком не занимаясь ни сельским хозяйством, ни металлургией, но почему-то всё время руководил этими отраслями. Но как руководил? По сути, Брежнев просто был медиатором – ему «сверху» спускали решения партии, он эти решения внедрял. Вот и вся его компетенция. Он и воевал так же – «вдохновлял» солдат на подвиги и проводил политбеседы.

И вот настал момент, когда Комитет государственного контроля пришёл к решению всё же изменить систему власти в Советском Союзе. Не сразу, но постепенно. Первый этап этой

смены был сделан – «брежневский клан» был устранён, сам Брежнев находился на излечении в «кремлёвке», а вот его соратники закончили свою карьеру гораздо печальнее. Вначале трагически погиб на испытательном полигоне во время неудачного запуска новой баллистической ракеты министр обороны СССР, маршал Дмитрий Устинов. Его гибель случайно совпала с покушением на нового Генерального секретаря КПСС Фёдора Кулакова. Ходили слухи, что именно Устинов был причастен к организации этого покушения. Но слухи – они слухи и есть...

После таких серьёзных событий, которые произошли в СССР, смена правящей партийной элиты прошла как-то незаметно. По крайней мере, незаметно для основной массы граждан СССР, которые толком не понимали, кто руководит страной. За много лет советские люди знали только Генерального секретаря ЦК КПСС. Ну, ещё они знали, что есть Политбюро ЦК Коммунистической партии, которое вместе с генсеком управляют государством. Он для них и олицетворял советскую власть. А о том, что есть ещё масса руководящих органов – Совет министров, ЦК КПСС с его огромным партийным аппаратом и секретариатом, что есть Верховный Совет и его Президиум, а также областные, городские и сельские советы – об этом мало кто задумывался. В школе ученики учили, что есть Политбюро ЦК КПСС, а глубже в тему государственного управления школьников не погружали.

И вот все эти члены Политбюро один за другим внезапно стали уходить. Причём не только со своих постов, как это было с Андроповым, Сусловым или Громыко. Как-то внезапно «кремлёвские старцы» стали покидать этот мир. Вначале совершил самоубийство бывший председатель КГБ СССР Юрий Андропов. Причем, он не застрелился, как должен был сделать офицер такого ранга, нет – он просто отравился цианидом. Как положено, Юрий Владимирович оставил предсмертную записку, из которой стало ясно, что именно он, Андропов возглавлял заговор против Генерального секретаря ЦК КПСС Фёдора Кулакова.

После Андропова внезапно скончался Суслов – идеолог брежневских времён. Причем, здесь не было никакого самоубийства и каких-либо других причин – просто отказало сердце. Переволокнулся старик, бывает... Но вот потом... потом бывшие соратники Брежнева стали как будто занимать очередь на кладбище – так быстро они стали покидать этот мир один за другим. Умер Громыко, потом внезапно скончался Кириленко, за ним – Пельше. Потом внезапно получил травму Черненко – секретарь Брежнева. Навещал того в «кремлёвке», поскользнулся на крыльце, упал... Через три дня – обширный инфаркт на фоне перелома шейки бедра.

Не прошло и полгода после того, как третьего марта 1977 года в Москве на XVI съезде ВЦСПС у Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева случился каталептический припадок, как практически все члены «брежневского клана» оказались, кто на больничной койке, а кто и за кладбищенской оградой. И почему-то новое руководство страны перестало проводить захоронения в Кремлёвской стене. Последним, кого захоронили там, был бывший министр иностранных дел СССР Громыко. А вот Суслов, Черненко, Пельше, Кириленко, а также остальные так называемые «кремлёвские старцы» уходили в мир иной как-то необычайно скромно. И упокоились в основном на Ваганьковском кладбище. Не было пышных похорон, торжественных маршей на Красной площади, не было траурной музыки по телевидению и прямой трансляции из Дома Союзов, где обычно выставляли гроб с телом бывшего члена Политбюро. Из похорон партийных чиновников внезапно перестали делать культ. И поэтому смена власти в СССР прошла как-то незаметно и буднично.

Брежнев находился на излечении и фактически был лишён возможности говорить, так как тонический спазм жевательной мускулатуры вследствие длительного применения нембутала и седуксена привел к весьма негативным последствиям. А в это время за несколько месяцев практически на 80% обновился состав Политбюро ЦК КПСС. И обновился он как раз за счёт членов Комитета государственного контроля, которые вот так просто и изящно, а главное, легально захватили власть в СССР. Точнее, перехватили.

Из прежних членов Политбюро там остались: Романов, ставший Генеральным секретарем теперь уже Коммунистической партии (обновлённой), Гришин, первый секретарь Московского горкома КП(О) и Мазуров, первый заместитель председателя Совета Министров СССР. Также был вновь возвращен в Политбюро Шелепин, председатель ВЦСПС.

Из кандидатов полноправными членами Политбюро стали министр культуры СССР Демичев, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Машеров, председатель Совета министров СССР Косыгин, председатель Совета министров РСФСР Соломенцев. Косыгин и Соломенцев не входили в состав Комитета государственного контроля, но пребывая на своих постах, показали очень неплохие результаты. К тому же идеи, которые обсуждались на заседаниях Комитета, они вполне разделяли. Тот же Председатель Совета министров РСФСР Соломенцев не раз позволял себе откровенно критиковать политику первого секретаря ЦК Компартии Украины Щербицкого. Соломенцев много раз обвинял украинцев в том, что они оформляют вывески на украинском языке, который является «искажением русского», а также излишне увлекаются прославлением национальных поэтов и писателей. По его мнению, заигрывание с националистами никогда не доводило до добра.

Кстати, несколько членов Политбюро из так называемых «национальных квот» тоже остались. И хотя их было немного – это были первые секретари компартий союзных республик – как раз с ними вопрос был ещё до конца неясен. Если члены Политбюро украинец Щербицкий и казах Кунаев, в принципе, были лояльны новому руководству СССР, то кандидаты в члены Политбюро узбек Рашидов и азербайджанец Алиев вызывали серьёзные сомнения. Именно поэтому состав Политбюро был кардинально обновлён и голоса даже тех его членов, кто был настроен против инициатив нового генсека, были бы нивелированы теми, кто ранее состоял в Комитете государственного контроля. Правда, об этом знали только посвящённые.

Кандидатами в члены Политбюро стали новый председатель Комитета госбезопасности Бобков и его первый заместитель Семичастный. Последним кандидатом в члены Политбюро ЦК КП(О) стал новый министр внутренних дел СССР Тихунов. Теперь новый состав главного органа «руководящей и направляющей» действительно состоял из реальных руководителей страны. Причем, таких, которые поднялись на самый верх с самого низа и знали не понаслышке, чем живут простые советские люди. То есть, не видели окружающий мир, как говорил один киногерой, «из окна своего персонального автомобиля».

А вот старики из Политбюро ушли навсегда. Одни, как Суслов или Пельше, в мир иной, другие – на пенсию. Так пенсионерами союзного значения стали первый заместитель министра иностранных дел СССР 76-летний Василий Васильевич Кузнецов, заведующий Международным отделом ЦК КПСС 72-летний Борис Николаевич Пономарёв, 74-летний председатель президиума Верховного совета СССР Николай Викторович Подгорный. 16 июня 1977 года Подгорный подал в отставку и с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР, выйдя на пенсию. Между прочим, председателю Совета министров СССР Косыгину тоже было уже 73 года, но к его работе никаких претензий не было. Наоборот, они вместе с Мазуровым теперь в полную силу занимались преобразованиями в народном хозяйстве Советского Союза.

И вот всё начало меняться. Постепенно, без резких скачков, как когда-то при Сталине или Хрущёве. Но перемены были видны. И всё же Мазуров негласно продолжал руководить Комитетом государственного контроля, который решено было не распускать, а оставить вроде эдакой новой вариации Комитета партийного контроля, который не оправдал себя во времена Брежнева. Правда, те, кто находился в КГК до того, как попал обойму первых руководителей страны, перестали исполнять в нём свои функции. Но помнили, ради чего он был создан и почему они пошли во власть. Поэтому Комитет государственного контроля контролировал не своих бывших членов, а бывшую партноменклатуру. Ведь если верхушку власти СССР удалось поменять неожиданно легко и совершенно безболезненно, то на местах ещё предстояли, как говорил Левитан, «ожесточённые и кровопролитные бои».

Комитет государственного контроля продолжал негласно вмешивался во все вопросы государственного управления в СССР, но теперь это происходило только в рабочем порядке на, так сказать, отраслевом или низовом уровне. Все ключевые политические и экономические вопросы решались на уровне высшего руководства СССР. И только когда требовалось решить какую-то глобальную проблему, когда важно было собрать совершенно разные мнения, в том числе и мнения тех, кто видел данную проблему со стороны – только тогда весь Комитет государственного контроля собирался в полном составе. Но теперь в нём были не только члены Комитета, занимавшие второстепенные должности в партийных и хозяйственных структурах СССР, но и высшее руководство страны.

А пока что, так сказать, в рабочем порядке, происходили регулярные встречи генерального секретаря КП(О) Романова и первого заместителя председателя Совета министров СССР Мазурова. Кирилл Трофимович раньше на правах самого старшего члена Комитета государственного контроля имел не только право делать всем замечания, но и негласно являлся арбитром всех споров, улаживал все разногласия, возникавшие во время обсуждений. И сейчас по общему согласию всех членов Комитета он осуществлял координацию его работы с деятельностью руководства Советского Союза.

– ...Таким образом состав Политбюро ЦК практически полностью обновлён, больше половины – это бывшие члены Комитета государственного контроля, надо будет ещё ввести в состав Политбюро министра обороны Ахромеева – как-то мы совсем это упустили из виду.

– Ну вы даёте, – Мазуров с досады даже крикнул, – министра обороны в Политбюро не ввели! Как говорится, «а слона-то я и не заметил».

– Так Сергей по всей стране мотается, лично инспектирует ключевые подразделения и стратегически важные направления. Опять же, с Китаем надо сейчас ухо держать востро, Афганистан требует усиленного внимания, – стал оправдываться Романов. – Ничего, думаю, на ноябрьском пленуме введем его в состав. Пока же вопрос по нашим союзным республикам.

Мазуров моментально посерьёзnel.

– Думаешь, прольётся кровь?

Генеральный секретарь, побарабанил пальцами по зелёному сукну стола, потом хлопнул по нему ладонью и решительно произнёс:

– А вот не знаю, Кирилл Трофимович. Не знаю! С одной стороны, как оказалось, на Рашидова бочку катил тот самый Горбачёв, которого мы даже собирались двигать в Секретари ЦК. Кстати, он-то как раз, получив отлуп, быстро спелся с Лигачёвым. Они там придумали антиалкогольную компанию и хотят, чтобы мы её внедряли. Митинги проводят, на своём съезде даже приняли программу своей Партии коммунистов СССР.

Так вот, Рашидов, конечно, не ангел – есть там и приписки по хлопку, и нарушения социалистической законности, много там чего есть. Но при этом с 1941 года в Красной Армии, младший лейтенант, участник битвы под Москвой, тяжело ранен на Волховском фронте, награждён двумя орденами Красной звезды. В общем, фронтовик, не отсиживался в тылах, как тот же Андропов. И после войны с самых низов поднимался, начинал редактором сельской газеты. Рашидов на посту первого секретаря компартии Узбекистана многое сделал для республики. При нём Ташкентское авиационное производственное объединение имени Чкалова вошло в пятерку крупных авиационных предприятий мира. Завод выпускает более 60 больших самолётов в год. Ташкентский тракторный завод выпускает свыше 21 тысяч тракторов, «Ташкентский завод сельскохозяйственного машиностроения» – свыше 10 тысяч хлопкоуборочных комбайнов в год. А узбекское золото? Золоторудное месторождение Мурунтау ежегодно даёт в казну до 100 тонн золота. После того, как Рашидов стал руководить Узбекистаном, там были построены Ташкентская и Сырдарьинская ТЭС, Чарвакская ГРЭС, начались разработки нефтяных и газовых месторождений. Поэтому я считаю, что с Рашидовым нужно побеседовать. И побеседовать именно вам, Кирилл Трофимович.

Мазуров усмехнулся.

– Ты думаешь, Григорий Васильевич, первый заместитель председателя Совета министров СССР для Рашидова котируется выше, нежели Генеральный секретарь ЦК КПСС?

Романов поднял руку и указательным пальцем погрозил Мазурову.

– Ой, Кирилл Трофимович, Кирилл Трофимович, хитрый вы жук. Я уже не Генеральный секретарь ЦК КПСС, а Генеральный секретарь ЦК КП(О). Партия обновляется и не все на местах, особенно, в республиках, это восприняли благосклонно. Как раз и настает тот период, о котором нас предупреждали наши гости из будущего. То есть, мы некоторые процессы ускорили – вот ускорились и другие события. Это как снежная лавина – пока ты не топнул ногой или не кинул снежок, будет лежать огромное снежное поле. А только чуть, где что – и понеслось вниз. Так что сепаратизм надо пресекать уже сейчас. И лучше иметь руководителей союзных республик союзниками. А не наоборот. Рашидов, мне кажется, уже знает о том, как мы меняли брежневскую команду. И кто такой Кирилл Трофимович Мазуров. Вон, Шеварднадзе зайчиком от вас в свою Грузию ускакал, и теперь там более-менее всё спокойно. А там, где не спокойно, там горячие головы остужают милиция и КГБ.

Мазуров нахмурился.

– Нет, Григорий, ты всё правильно мыслишь, с Рашидовым я лично поговорю. У меня есть что ему сказать. А вот про КГБ ты напомнил – так Алиев в Баку как раз занимал при Ахундове пост председателя местного Комитета госбезопасности. Алиев клан Ахундова разгромил, но взамен на все освободившиеся места посадил своих родственников и нахичеванских земляков. Ахундовская «приватизация» Азербайджана сменилась тотальным господством нахичеванской клановой группировки. Должности в административно-командной системе Азербайджана теперь стали занимать только земляки Алиева – выходцы из Нахичеванской АССР. Бобков уже познакомился с состоянием дел в Баку и написал мне докладную. Я с ним недавно разговаривал.

Романов снова забарабанил пальцами по столу. Мазуров поморщился.

– Ты, Григорий Васильевич, не нервничай. Не барабань, и так голова трещит. Мы ведь ещё во время пребывания твоего в Комитете государственного контроля эту ситуацию предвидели и меры предприняли. Только пока армию вводить не будем. Я поговорю с Рашидовым, а ты вызови к себе Алиева. Поговори с ним. Но, думаю, там всё ясно. Просто постарайся понять, каковы настроения у Гейдара.

Романов заинтересовано взглянул на Мазурова.

– Думаете, Кирилл Трофимович, надо будет задействовать наших «гостей»?

Мазуров улыбнулся.

– Да, без них мы не обойдёмся. Здесь с Алиевым должен будет поработать Токугава. А вот операцию «Виолончелист» мы всё равно начнём. Слишком много своих родственников Гейдар Алиевич Алиев рассадил на ключевые посты. Так что надо будет задействовать Громова.

Глава третья. Союз Свободных Суверенных Республик

История – дама капризная. Чуть где-то стоит дать слабинку, не выдержать до конца курса, который был изначально намечен, притормозить, а где-то и отойти чуть назад – всё! Сразу начнётся не просто застой, не просто возврат к старому – начнётся натуральное загнивание. Потому что всё то, что веками наши предки накапливали, как опыт, со временем становится уже не опытом, а консерватизмом. И достигнуть чего-то нового с годами становится всё труднее. Это как, например, в медицине – если врач хочет внедрить какое-то новшество, то в случае его ошибки на кону – жизнь человека.

А вот ошибки политика, государственного деятеля губят не одного человека, а тысячи и даже порой миллионы. Гибнут и люди, и государства. Иногда, правда, после гибели одних государственных образований на их месте возникают другие. Вот только, к сожалению, гражданам этих погибших государств, которые тоже гибнут, уже никогда не возрождаются к новой жизни...

Чечня, год 2016, 17 декабря

Максим Зверев всё ещё не переставал удивляться. Он подозревал и раньше, что все эти его переходы в прошлое будущее и обратно – всего лишь проколы того самого жгута, кабеля, в котором собраны множество проводков. И каждый раз он может попадать на одном и том же временном отрезке на разные проводки. Вот как сейчас – вроде бы он снова в 2016 году, но почему-то не в Украине, а в Чечне. В которой только сейчас началась Первая чеченская. Причём, не Российская Федерация воюет с республикой Ичкерия – нет такой и никогда не было. Есть Чеченский автономный административный округ и есть Российская советская федеративная республика, которые входят в состав СССР – Союз свободных суверенных республик. В котором частично всё-таки произошли изменения, которые в прошлом Максима Зверева происходили после развала Советского Союза. Но – только частично. Вот, к примеру, чеченские войны начинаются только в этом году. Да и то – как и во многих бывших союзных республиках, они начались в результате передела власти на местном уровне. В Чечне схватились между собой лидеры крупных влиятельных тейпов, в Таджикистане – «ленинабадцы», занимавшие высшие административные посты, схватились с «кулябцами», занимавшие высшие посты в силовых структурах. После к ним подключились другие клановые группы – «бадахшанцы», «гиссарцы» и «гармцы». На основе кулябско-гиссарской коалиции был создан Народный фронт Таджикистана, хотя, по сути, его создавали на базе 15-й бригады ГРУ.

В Таджикистане КГБ и ГРУ вовремя предвидев момент, когда в регионе к власти рвались исламские фундаменталисты, провели ряд операций, и перестреляли лидеров всех кланов. В Чечне стрелять было нельзя. Там всё надо было сделать тоньше. Чем, впрочем, и занимался сейчас Комитет госбезопасности, а также специальное подразделение «Омега», которое возглавлял его боевой товарищ и друг Кёсиро Токугава. Который сейчас сидел перед ним.

... – Тебя, Максим, не американцы хотели грохнуть. И не «чехи». А вот кто – мы пока не знаем. Наёмник был, мы проследили цепочку, но до заказчика не добрались. Пока не добрались. И охота на тебя велась в Чечне уже три месяца. Именно на тебя. Так что, когда пиндосы с «чехами» на тебя засаду сделали, мы вас аккуратно вели. Думали, на заказчика выйдем. А получилась двойная ловушка. Американцы ловили тебя, мы ловили их на живца, а параллельно за тобой и американцами ещё кто-то следил. И дал приказ тебя вальнуть. Зачем – неясно. Но если принять во внимание всю эту канитель с американскими попаданцами, то ясно – кто-то хочет нас столкнуть лбами. Кто-то, кому не нравится твой контакт с пиндосами. Вот всех и зачистили. То есть, стреляли не мы – стреляли те, кто держал тебя и твоих америкосов на прицеле. Не знаю, хотели тебя ликвидировать или нет, но мы не могли рисковать.

Зверев изумлённо взглянул на друга.

– То есть? Рисковать чем?

– Не чем, а кем. Тобой, конечно. Если бы тебя грохнули, неизвестно как бы всё это аукнулось в прошлом. Да и в будущем. Мы «Красухи» подогнали... ну, станции радиоэлектронного подавления, так что ни радиосигнал, ни мобильная связь не могли работать в том районе. А значит, никаких радио-направленных фугасов или команд снайперам. Которых, кстати, всех держали на мушке пацаны Громова. Но, видимо, у снайперов были какие-то заранее разработанные сигналы или временной таймер включили – не знаю. Как только они начали активничать, мы их сразу положили. Первого, конечно, вальнули стрелка, который тебя держал на мушке. Ты лазер не видел, зато мы видели и сразу помеху ему поставили. А потом пристрелили.

Макс нахмурился.

– Не могли живьём взять, супермены? Там очень интересная комбинация могла получиться...

Токугава улыбнулся.

– Зверь, она и так получится. Не забывай, этот мир – только одна из версий. Ты вернёшься в наше прошлое, а мы здесь даже ничего не заметим. Всё пойдёт по-другому. Впрочем, тебе попонятнее объяснит Мерлин, а я расскажу про оперативную обстановку.

Он прокашлялся и предложил:

– Макс, мы же уже не дети, давай пять капель sake за встречу? А то я тут уже пятые сутки на нервах.

Максим рассмеялся.

– Не узнаю тебя, Костя. Ты всегда был таким хладнокровным, спокойным, как настоящий самурай. И там, на Донбассе, в какую бы задницу мы не попадали, ты всегда держал марку. Что с тобой случилось?

Кёсиро прошел к шкафу, открыл дверцу и достал оттуда маленькие чашечки и пузатую бутылку явно импортного производства. Не спеша вернулся, сел за стол напротив Зверева, поставил чашечки на небольшой деревянный поднос, открыл бутылку и разлил по чашечкам прозрачную жидкость.

– Сake настоящее, отец привёз.

Макс удивлённо поднял брови.

– Твой отец, он...

Кёсиро улыбнулся.

– Да, он жив и даже можно сказать жив и здоров. Но о нём позже. Итак, давай выпьем за нас, потому что обстановка требует.

Он медленно выпил из своей чашечки и аккуратно поставил её на поднос. Максим тоже выпил. Напиток отдавал немного вкусом соевого соуса и сыра.

– «Дайгиндзё». Я люблю этот сорт, – пояснил Токугава, наблюдая за выражением лица друга.

– Да, раньше никогда не пил sake, оказывается, чертовски приятный напиток. Ладно, так что насчёт обстановки?

Токугава немного помрачнел.

– Ну, что ж. Я не буду рассказывать тебе о том, что произошло в СССР с 1977 по 2016 год. Только коротко – Союз не развалился, Россия осталась основой СССР, КПСС стала коммунистической партией (объединённой), но многопартийность была разрешена. Потому что пар надо было выпускать – после передачи части власти советам народных депутатов полезли, как тараканы из всех щелей, все эти «избранники народа». Многие из них были натуральными агентами разных спецслужб, а многие – просто дураками или амбициозными авантюристами. Но пока они там бесились на своих собраниях и съездах, КГБ отлавливал шпионов, агентов, многих перевербовал, так что очень хорошо, что эту заслонку мы открыли.

Макс не выдержал.

– А что с Союзом, как с республиками? Как удалось не допустить гражданских войн?
Кёсиро улыбнулся.

– Так с нашей помощью. Наши маги-экстрасенсы покопались в наших мозгах, всю историю выложили новым руководителям страны. А это уже не какие-то бредни каких-то попаданцев, это заключение авторитетных спецов. Плюс часть наших прогнозов, точнее, наших послезнаний в точности совпали с тем, что происходило. Началось всё с предотвращения пожара в гостинице «Россия». Ну там авиакатастрофы, маньяки и всякое разное. Это как играть в покер, заглядывая в карты своих партнёров. С Грузией разобрались сразу – Мазуров так вздрючил Шеварднадзе, что тот сам всю Грузию раком поставил. Кирилл Трофимович ему намекнул про Комитет государственного контроля и сказал, мол, или ты всё делаешь, как мы тебе скажем, или ляжешь на соседнюю койку с дорогим Леонидом Ильичом. Только типа генсек просто говорить не может, а ты не после нашей встречи, Эдик Амвросиевич, не сможешь даже писать нормально. Под себя ходить будешь. Тот сразу всё понял и стал шуршать, как электровеник.

– И что – со всеми так получилось?

Кёсиро вздохнул.

– К сожалению, нет. Но всё тебе рассказывать не могу – Мерлин предупредил говорить только о том, что при тебе уже было. Скажу только о Таджикистане. Помнишь, тебя выбросило в 1984 год? Когда ты там воевал с душманами?

Максим кивнул.

– Да, вначале я попал в 1984 в Кулябский район под Душанбе. Хотя в реальной своей истории я там никогда не служил.

Кёсиро перебил его.

– Да знаю, я, знаю. Ты попал в тот виток истории, который сам же закрутил после своего вояжа в прошлое будущее, когда ты оказался во Львове, а в Украине вместо войны на Донбассе была война на Буковине, причем, там тоже воевали украинские войска с повстанцами, а им помогали ещё и поляки. Всё это и ты, и Мерлин нам рассказали. Не отвлекайся.

– И что я вначале попал в тот же год, но в Казахстан – он тоже рассказывал?

Токугава удивлённо посмотрел на Зверева.

– Нет, об этом не говорил.

Максим стукнул кулаком по столу.

– Я так и знал. Так вот – когда в первый раз меня выбросило в будущее, ну, точнее, в то будущее, из которого мы все сюда пришли, то это было из-за травмы. Когда я по башке кастетом получил. И попал я уже в изменённое будущее. То самое, где АТО было на Западной Украине. Потом я попал как раз в своё прошлое. То есть, почти в своё – в посёлок Кара-Кемир под Алма-Атой, где я действительно служил в учебном полку, где и получил сержантские лычки. Только были небольшие изменения. В своём прошлом я проиграл соревнования по самбо, а тут – выиграл. И правила были какие-то другие. В общем, я успел заметить только отдельные мелочи. А вот потом, когда я познакомился с нашими магами-чародеями и они меня уже целенаправленно отправили назад в будущее, я попал уже совершенно в другое будущее. Там и был Таджикистан, совершенно такой, как в наше время Афганистан – и душманы с нами воевали, точнее, мы с ними, и Розенбаум пел про «Чёрный тюльпан». Короче, вроде бы не поменялось ничего, по сути, только акценты сместились. А вот потом – раз – и сразу Чечня. Причём, уже не 1984 год, а всё-таки 2016-й. Смекаешь?

Кёсиро на мгновение задумался.

– Ты хочешь сказать, что ты вернулся в отправную точку, но в совершенно другой регион и в совершенно иную составляющую?

Максим хлопнул в ладоши несколько раз.

– Именно! То есть, больше нет промежуточных точек бифуркации. Потому что мы здесь всё-таки повернули время вспять – изменили ход событий коренным образом. Но остались побочные эффекты, которые всё равно с ходом времени возникают у нас на пути. Ну, это как сон, который ты только что видел, но его отрывки ещё проявляются в твоей памяти. Надо только сделать так, чтобы сон этот не был вещим.

Токугава рассмеялся.

– Ну, об этом поговоришь с нашим штатным вещуном, Мерлином Или с генерал-майором КГБ в отставке Вронским. А ещё с его помощниками. Я тебе только напоследок расскажу про то, что случилось с нашим попаданством. Итак, как ты помнишь, после отставки Брежнева по болезни его место занял Фёдор Кулаков. Который и планировался ему на замену. Поэтому в реальной истории он как-то внезапно и подозрительно быстро умер. Видимо, и в нашей истории какой-то след на нём отпечатался. В общем после того, как было совершено покушение на Кулакова, и он погиб, его место занял Григорий Романов, который входил в руководящий состав Комитета государственного контроля. Ты тогда был ранен – так, царапина, но какой-то хитрый яд попал в твою кровь, и ты оказался в коме. Вот потому сейчас мы и разговариваем – ты снова совершил переход в будущее. В наше будущее. В котором дальше всё пошло как по нотам и заговор увенчался успехом. И если в центре удалось победить практически бескровно, то с союзными республиками пришлось повозиться. С Узбекистаном, Грузией, Арменией смогли договориться, кое-что подправить, Мазуров побеседовал с лидерами, в общем, там сепаратизм задушили в зародыше, наладили плотный контроль КГБ и МВД. Немного сложнее было с Таджикистаном – после твоего возвращения из «нового будущего» Романов уделил ему особое внимание.

Максим невесело усмехнулся.

– Да уж, я помню до сих пор тот бой на перевале... И потом, в расположении долго отходил. Это не Донбасс, это другое. Хотя и Донбасс – это кошмар, но всё началось именно с Афгана. Тогда впервые наши люди увидели смерть, почувствовали кровь, там началось это зверство... Там тормоза впервые оказались не нужны.

Кёсиро понимающе кивнул и продолжил.

– Так вот, Таджикистаном нам просто повезло. Там первым секретарём ЦК Компартии Таджикской ССР с 1961 года был очень порядочный человек, тот самый настоящий коммунист, о которых нам рассказывали на уроках и про которых писали книги и снимали фильмы. Джабар Расулович Расулов. Бывший агроном, учёный – доктор сельскохозяйственных наук, профессор. Умнейший и честнейший человек. Как такой сохранился в брежневскую эпоху – ума не приложу. Знаешь, в нашей истории я про него читал, но, сам понимаешь, ничего не помню. А вот наши экстрасенсы всё из моей головы достали и нам же потом давали почитать. Так вот, когда Джабар Расулович скончался в 1982 году, опередив, кстати, смерть Брежнева, то была создана похоронная комиссия. Члены комиссии при участии свидетелей открыли сейф Расулова и нашли в нём его сберкнижку, на которой было 4 тысячи 200 рублей. Представляешь? Четыре тысячи! То есть, за 21 год руководства республикой Расулов скопил всего примерно 3000 долларов США по тогдашнему курсу! Этих денег ему не хватило бы даже на покупку «копейки» – «Жигулей» первой модели, не говоря уже о «Волге». «Жигули» стоили тогда 6 тысяч рублей. И это ещё не всё! Расулов даже во время командировок по регионам республики брал с собой свою еду из дома, чтобы председатели колхозов и совхозов не готовили ему угощений. Чтобы не задабривали его! А сам глава целой республики имел всего два костюма – один для повседневной работы, другой для командировок в Москву и другие регионы СССР. Вот такой был у таджиков руководитель!

Максим удивлённо посмотрел на друга.

– А что же тогда случилось с Таджикистаном потом? Почему там началась гражданская война?

Токугава махнул рукой.

– Да всё то же самое – клановые войны. Памирцы, то есть, горцы против равнинного населения. Кулябцы против «ленинабадцев» и узбеки из Курган-Тюбе против этнических таджиков. Короче, винегрет. Плюс исламские эмиссары стал народ баламутить. А главное – беднота, точнее, нищета населения. И это как раз началось после того, как умер Расулов, а на его место пришел Рахмон Набиев. Вот с него-то всё и началось. Когда Горбачёв стал мутить воду, Набиев в 85 году уже был отстранён от должности первого секретаря компартии Таджикской ССР за пьянство и разгульную жизнь. Мы всё это учили. Ну, а главное – не стали устранять Горбачёва, а дали ему немного проявить себя. Они там с Лигачёвым на пару такого наворотили, что и не надо было потом народу ничего объяснять.

Кёсиро рассмеялся и продолжил.

– Если в нашей с тобой истории Мишку-Меченного материть стали уже в 90-е, то в 78-м после его попытки провести антиалкогольную кампанию и ещё за парочку нововведений его чуть ли не на каждом митинге стали просто бить. Еле отгаскивали людей. Поэтому все остальные его лозунги и эксперименты советские люди уже воспринимали, как бред идиота. Соответственно, и все остальные ошибки были учтены. Поэтому ты и оказался у нас, в 2016 году, в истории, которая пошла по другому пути. Ну, ладно, а сейчас тебя ждёт Вронский, он тебе подробнее расскажет и о вневременных переходах, и про американцев и даже про тех, кто тебя держал на мушке.

Максим встал, зачем-то поправил на себе одежду и пошёл к двери. Но вдруг остановился, обернулся к Кёсиро и спросил.

– Костя, погоди, а где все наши? А то Мерлин меня сейчас снова запустит в прошлое, и я никого из вас больше не увижу. Где Филин, где Громов, Уткин?

Токугава помрачнел. Потом всё же ответил, с трудом подбирая слова.

– Ваня Громов тебя прикрывал. А Витя погиб...

Глава четвёртая. «Просто я работаю волшебником...»

Свобода – это очень дорогое оружие. Именно оружие, не ценность. Потому что свободу надо заслужить, или завоевать. Никто просто так её не подарит. Далеко не каждый её достоин. Не каждому это оружие по карману, не каждый может грамотно с ним обращаться. Потому что оружием надо уметь владеть. А многие люди умеют только бросать камни. Ведь как известно, оружие пролетариата – булыжник. Особого умения и не надо – схватил булыган увесистый и по башке. Даже до простенького ножика надо ещё дорасти, научиться им пользоваться, чтобы себя случайно не порезать. А уж о мече вообще говорить не приходится, ведь меч или там сабля – это уже серьёзное оружие. И если оно попадёт к человеку, который не умеет им владеть, то беда. Или сам себя покалечит, а также других, или выбьют из рук и этим же оружием его самого и прикончат.

Вот так и свобода – необразованные, тёмные, забытые люди пользуются ею, как тем же булыжником. А ведь это оружие серьёзное, капризное в обращении, оно обоюдоострое, как меч. И когда иногда люди радуются, думая, что свобода у них в руках, на самом деле она вот-вот снесёт с плеч их головы...

Чечня, год 2016, 17 декабря

Сергей Алексеевич Вронский действительно был похож на Мерлина. Или, скорее, на старика Хоттабыча, ибо как выглядит Мерлин, Максим Зверев не представлял. В «Ночном дозоре» Лукьяненко вскользь описал этого мага, а в фильм сняли только по первой и второй книге серии. И слава Богу, ибо так испохабить в общем-то неплохую книгу нужно было ещё постараться. Впрочем, этот Бекмамбетов не зря учился в США, эта страна всегда даёт установку херить всё русское. И поэтому всё, к чему прикладывают свои руки американские выкор-мыши, превращается в дерьмо.

Но в данном случае Вронский выглядел не как персонаж «Ночного дозора», а, наверное, как тот самый Мерлин из сказок про рыцарей Круглого стола. То есть, с длинной седой бородой, старый и сгорбленный. Конечно, образ старика Хоттабыча Макс знал и помнил лучше, а образ Мерлина попадался пару раз в каких-то зарубежных сериалах, но кроме бороды у этих двух персонажей не было больше ничего общего.

– Да, Максим Викторович, я стар и этого не стесняюсь. В вашем прошлом я скончался в январе 98-го, так что фактически я живу, можно сказать, вашими молитвами. Проштудировал все сведения из ваших попаданческих голов, вовремя предотвратил развитие некоторых заболеваний и вот – дожил до того самого 2016 года, когда ты попал в наше прошлое. Подчеркиваю – в наше. Не твое.

Максим удивлённо поднял брови.

– То есть, вы считаете, что версия о наличии множества параллельных миров достоверна?

Мерлин улыбнулся.

– Не только считаю, но и неоднократно её подтвердил. Однако, ближе к делу. Итак, я понял смысл твоей фразы о том, что будущее нельзя изменить. И это правда. Глобально ничего не меняется. Те процессы, которые были заложены в развитие этого мира, и даже, не побоюсь этого слова, в развитии Вселенной, должны свершиться. А мы, люди, вряд ли сможем их предотвратить. Мы можем только изменить последовательность, временные интервалы. Но, как говорил один исторический персонаж, Карфаген должен быть разрушен.

Максим заинтересовано поглядел на Вронского. Комично выглядели его длинные седые волосы и седая борода на фоне полувоенного комбинезона защитного цвета. Сотрудник отдела «Омега» в нём напоминал не столько волшебника и мага, сколько какого-то заслуженного альпиниста, решившего поделиться своим опытом восхождений. Или полевого командира из его, Зверевского прошлого. Такие, кстати, были не только на Донбассе с одной и другой стороны,

когда люди в возрасте внезапно пошли воевать друг против друга. Например, один из руководителей и полевых командиров «Народного фронта Таджикистана» 64-летний Сангак Сафаров, седой старик, тоже постоянно ходил в полевой форме. Только у Вронского борода была длиннее.

– Вы считаете, Сергей Алексеевич, что всё то, что мы делаем, попав пусть не в своё, а в параллельное прошлое, не изменит будущее этого мира?

Вронский нетерпеливо махнул рукой.

– Не совсем так. Конечно, кое-какие изменения будут и есть. Вот смотри – в первый раз благодаря твоему появлению в Днепропетровске произошло МНВ – минимально необходимое воздействие. И в Енакиеве был убит будущий президент Украины Виктор Янукович. То есть, вообще в истории этой страны не появился такой человек. И что? Всё равно в Украине случилась гражданская война, только не на востоке, а на западе. Восстал не Донбасс, а Тернополь и Ивано-Франковск. Ну и всё то же самое – обстрелы городов и гибель мирного населения, экономический и политический кризис, присутствие иностранных войск в регионе, территориальные потери Украины.

Максим нетерпеливо перебил:

– Да, я понимаю, но в новой версии развития Украины не было открытого противостояния США и России.

Вронский поморщился.

– Это противостояние было всегда. Просто в тот момент, когда ты попал в новое будущее, это противостояние было не таким явным. Вспомни, кто тебя пытался захватить? Кто отдавал приказ полякам?

Зверев сложил ладони и изобразил поклон.

– Каюсь, каюсь, товарищ генерал-майор Мерлин, вы правы. Молчу и повинуюсь.

Вронский довольно улыбнулся.

– То-то же. Сержант с генералом спорить не должен. Кстати, звание-то мне дали уже когда я на пенсию запросился. Мне сейчас 101 год, я долгожитель, а видишь – всё ещё на службе. Таким как я, не пенсия, а пожизненное обеспечение положено.

Максим не сдержал удивлённый взглас.

– Вам уже больше сотни лет? Офигеть! Вы действительно Мерлин.

Вронский махнул рукой, мол, хватит заливать, но было видно, что невольный комплимент Зверева не оставил его равнодушным.

– Ладно, двигаемся дальше. Потом ты со своими друзьями помог поменять власть в СССР. Причём, помог косвенно – маховик истории всё равно был запущен. Вы просто стали, так сказать, последней каплей на чаше весов. Убедили Комитет государственного контроля в том, что мы идём правильным путём. И что? Всё равно случился кризис и вместо Афганистана мы получили войну в Таджикистане. И другие неприятные моменты. А вот сейчас идёт война в Чечне. То есть, раньше ни первой, ни второй чеченских войн не было. Как не было и Российской Федерации – Советский Союз не распался. Но имели место те же процессы, которые в своё, вернее, в твоё время были запущены в нашей стране извне. И нынешний Союз проходит те же самые стадии, которые в твоём времени проходила Россия. Понимаешь?

Максим кивнул.

– Получается, «что они не делают – не идут дела?»

Мерлин хохотнул.

– Ну, примерно так. Но не совсем. Я имею в виду, что если менять прошлое глобально, то глобально можно изменить и будущее. И МНВ здесь уже не пройдёт – воздействие должно быть не минимальным, а массированным. И не только в одной точке.

Максим Зверев внимательно посмотрел на своего собеседника. Вронский явно пытался натолкнуть его на какие-то выводы, но Макс никак не мог понять, что именно хочет от него

Мерлин. Если он имеет в виду массированное воздействие, то, значит, менять реальность нужно не только в СССР?

– Вы хотите сказать, Сергей Алексеевич, что мы до сих пор пытались изменить только Советский Союз, а надо менять весь мир?

Вронский хлопнул Макса по плечу.

– Молодец, сержант! Именно! Я это понял не сразу, а постепенно, работая с вами с самого начала, с 1977 года. И чем больше мы с вами меняли, чем больше вы там наворотили, тем сильнее сопротивлялась реальность. Не буду сейчас тебе сообщать подробности – ты не должен нести это в своё, точнее, в наше прошлое. Иначе мы получим конфликт соприкосновения и еще большие погрешности в ходе расслоения главной исторической последовательности на разные модули реальности.

Максим непонимающе уставился на Вронского.

– Что вы имеете в виду? Ведь и так наше появление в прошлом и мои хождения туда-сюда уже спровоцировали конфликт разных реальностей. Куда уж больше?

Вронский хмыкнул, потом отошёл к окну, долго куда-то смотрел. Затем прошёл вглубь скромного кабинета, который, вероятно, принадлежал какому-то местному военному – ведь они наверняка находились на территории воинской части. Сев в кресло, Мерлин некоторое время молчал. Макс терпеливо ждал. Наконец Вронский прервал своё молчание.

– Понимаешь, сержант, не все вещи были подвластны мне и моим коллегам, Кустову и Сафонову. Которые, к сожалению, не дожили до нашей нынешней встречи. Мы можем иногда только предполагать. Так вот, твои хождения, как ты сказал, туда-сюда, надо максимально ограничить. Именно потому я и не сообщаю тебе подробности того, что произошло у нас здесь. Я понял, что нельзя постоянно корректировать прошлое, обращаясь к будущему. Все равно это разные варианты, разные миры. И минимальные воздействия в разных реальностях могут сработать по-разному. Но главное – если возникнет конфликт соприкосновения – то есть, разные версии станут идентичны, то они могут совпасть. И тогда многие погрешности, наложившись друг на друга, создадут такую неразбериху, что... в общем, как я тебе уже говорил – если два проводка в жгутах внезапно, лишившись изоляции, соприкоснутся – будет короткое замыкание. А ты как раз и проникаешь с одного проводка на другой. Ты – как искра проскакиваешь. Как импульс.

Макс улыбнулся.

– Скорее я, как жук, ползаю по этим проводам.

Вронский погрозил ему пальцем.

– Ты, Максим, тот ещё жук. Жук в муравейнике. Но оставим Стругацких в покое. Кстати, я читал тут нашу фантастику и сравнивал с той, которая была в твоём будущем. Ваше появление в СССР лишило хлеба многих авторов, которые в вашей истории писали про «попаданцев». Во-первых, не надо было спасать СССР. Наоборот, многие фантасты стали писать о возрождении Великой России.

Максим изобразил аплодисменты.

– Свято место пусто не бывает. Надо же иметь какие-то цели. У нас мечтали о возрождении Советского Союза, а здесь мечтают о Единой России. Должна же у фантастов быть несбыточная мечта?

Вронский встал со своего кресла и снова подошёл к Звереву.

– Знаешь Максим Викторович, мечты должны сбываться. Но только смотря какой ценой. В вашей истории Россия прошла слишком тяжёлый и даже кровавый путь. И мы сейчас какие-то вехи вашей истории повторяем. Просто с опозданием лет на десять-пятнадцать. Это ещё раз подчёркивает тот факт, что локально изменить историю целого государства не получится. И если я тебе сейчас полностью раскрою все карты, то, боюсь, ты больше не сможешь – даже с моей помощью – проникать в будущее. А это пока что наш козырь. Нет, не в том дело, что

ты как бы можешь убеждаться в том, правильно ли всё идёт, нет. Вы, то есть, мы всё делаем правильно. Проблема в другом – чем больше ты будешь пытаться контролировать будущее, тем сильнее будет сопротивление в твоей реальности.

Максим покачал головой.

– Что-то я не совсем понимаю. Вы имеете в виду, что нам труднее будет что-то изменить у себя?

Вронский хлопнул ладонью по столу, рядом с которым он стоял.

– Именно! Вот ты побывал в Таджикистане образца 1984 года – а что было после у нас, помнишь? Как ты оказался здесь?

Максим потёр лоб, вспоминая.

– А... ну да, произошло покушение на генсека ЦК КПСС...

– Вот! И ты снова оказался в коме. Понимаешь? Каждое твоё новое хождение в прошлое будущее отражается и на тебе, и на той реальности, в которую ты попал. Ты в конце концов, можешь вообще потеряться, то есть, потерять своё физическое тело и непонятно вообще, где ты окажешься. Возможно, снова в своей отправной точке, в 1976 году, только без подселения себя взрослого. А, может, в своём – подчёркиваю – в своём 2016 году, на Донбассе. В тот самый момент, когда тебя ранило или контузило. Впрочем, это тоже предположения – возможно, тебя просто не будет. Вообще.

Максим грустно улыбнулся.

– Весёленькая перспектива. Что же мне делать тогда?

Вронский хлопнул Зверева по плечу.

– Спокойно, Маша, я – Дубровский. Пока что ничего страшного не случилось. Я объясняю тебе главный принцип и дальше ты переговоришь со мной и моими коллегами в своей реальности, а также с руководителями проекта «Омега». После чего руководство СССР подкорректирует свои планы по изменению своей реальности. Надеюсь, что новая ветка будет более рациональна. Но для этого – повторяю – в первую очередь надо задействовать нашего главного, так сказать, противника.

Вронский внезапно замолчал. Потом, как будто что-то вспомнил, продолжил.

– Вернемся к твоим хождениям. Главное, что я успел понять со своими коллегами Кустовым и Сафоновым – нельзя привносить в прошлое те элементы из будущего, которые ему не свойственны. Менять прошлое нужно так, как оно и могло измениться. Например, «заговор комсомольцев» против Брежнева был в реальной истории? Был. Шелепин и Семичастный, а также их соратники высказывали мысли о смене власти в СССР и реформах в стране? Высказывали. То есть, твоё появление просто явилось отправной точкой и катализатором всех этих событий. А вот твои хождения в будущее спровоцировали нетипичное развитие событий. И, кстати, кстати, появление остальных «попаданцев» – тоже.

Максим удивлённо посмотрел на Вронского.

– Что вы имеете в виду? Мы ведь стали, как вы только что сказали, просто катализатором и ускорили события, которые и так были подготовлены.

Мерлин досадливо хмыкнул.

– Да, но на вас обратили внимание не только в Союзе, вы всё-таки «засветились» и перед спецслужбами США. Недаром вот сейчас, в нашем времени они вышли на тебя. Значит, вернувшись в своё прошлое, ты должен наладить с ними контакт. То есть, они должны выйти на тебя раньше.

Зверев был в полном недоумении.

– Ничего не понимаю. То вы говорите, что не надо делать какие-то серьёзные изменения и тащить из будущего то, что не соответствует прошлому, то советуете совершить то, чего бы точно не совершали советские руководители в настоящем прошлом СССР. Где логика?

– О боже ты мой!! Ну до чего же ты, сержант тупой!

Вронский снова забегал по комнате, как маленький комок энергии, на ходу лупя себя ладонями по голове и ругаясь. Потом снова подбежал к Максусу.

– Вот смотри. Контакты на уровне спецслужб СССР и США были всегда. Просто мало кто об этом знал. Но раз американцы тебя вот сейчас нашли – значит, следили за тобой. И начали именно тогда, когда вы крепко «засветились». А это было во время покушения на Кулакова. На Генерального секретаря ЦК КПСС. Ну и вообще, думаю, спецслужбы многих ведущих капиталистических стран заинтересовались переменами, которые начались в СССР. А дальше уже дело техники. Странно, что они раньше не стали подводить ни к тебе, ни к твоим товарищам-попаданцам своих людей. Поэтому, думаю, если ты начнёшь двигаться им навстречу, то произойдёт то же самое, но раньше – вы встретитесь и, возможно, это будет иметь последствия. Но – в хорошем смысле этого слова.

Максим тут же возразил.

– А кто сможет быть здесь арбитром? Кто знает, хорошие или плохие последствия будут? Вы сами только что говорили о том, что не стоит совершать в прошлом действия, которые не свойственны будущему.

Мерлин досадливо крикнул.

– Ну вот откуда в тебе такая говнистость, а? Впрочем, ты же бывший журналист, тогда понятно. Ладно, объясню тебе доходчиво. Вот когда ваш товарищ Витя Уткин стал «сочинять» песни, которые в будущем сочинили совсем другие люди, когда стал их выдавать за свои и они появились в прошлом раньше, чем должны были появиться – он просто пришпорил это самое прошлое, чтобы оно быстрее стало будущим. И вот я читал распечатки из ваших мозгов о книгах попаданцев – так там все авторы таких книг наделяли своих героев всякими способностями и возможностями. Мол, они и Сталину советовали, как Великую Отечественную войну выиграть и Гитлера победить, и царскую Россию из болота и грязи вытаскивали, после чего Российская империя пёрла вперёд и всех затаптывала, ну и так далее. Так вот, подобные изменения, не предусмотренные ходом истории, не пройдут. Они вызовут только возрастающее сопротивление среды. Примеры я тебе уже приводил. Вы, когда появились в нашем прошлом, особых прорывов не совершили. Поэтому и наша реальность сейчас здесь и существует в том виде, в котором могла – понимаешь – могла существовать. Гитлер, например, априори не мог выиграть вторую мировую войну, а Сталин – мог. Точно также, если бы в СССР победили сторонники реформаторского курса – Советский Союз имел все шансы сохраниться. Ведь, по сути, в твоём будущем Российская Федерация – это уменьшенная копия СССР. Поэтому мы сегодня проходим те стадии, которые прошла Россия, начиная с реформ в армии и заканчивая экономическими кризисами. Но если ещё в одной точке бифуркации или на развилке вы будете сотрудничать не только с нашим родным Комитетом госбезопасности, но и с американскими спецслужбами, думаю, что СССР сможет от этого только выиграть. И США тоже.

Максим внезапно вспомнил, что говорил ему американец.

– Вот именно об этом мне америкос и говорил, когда они меня привезли на разговор. Ну, где меня хотели грохнуть. Он сказал, что у них есть там в Штатах свои попаданцы.

Мерлин оживился.

– Да-да, что-то подобное и мы узнали. Не так давно, кстати, лет десять назад. У них там тоже многое стало меняться. Они не сунулись в Ирак, но удавили Хусейна политически, не создали ИГИЛ и вследствие этого не лоханулись в Иране, а в Ливию уже мы их не пустили, как и в Сирию, но американцы не стали переть рогом. Кто-то их явно консультировал у себя. И вскоре мы узнали, кто именно. Так что тебе и твоим товарищам лучше наладить с, как ты их называешь, пендосами тесные контакты. И желательно, дружеские.

– Пендосами, – поправил Мерлина Максим. – Контакт мы будем налаживать, это ясно, но как быть с тем, что в меня стреляли? И что случилось с Уткиным? Как он погиб?

Вронский помрачнел.

– Про Витю я не буду тебе рассказывать. Потому что... В общем, я говорил, почему. Посмотрим, может в вашем времени, точнее, реальности, события пойдут по-другому... Хотя, как я уже сказал, если что-то должно свершиться – оно свершится. А вот по поводу покушения... Тебе твой друг, наверное, уже сказал об этом – кроме американцев и нас действует какая-то третья сила. И явно – это мы установили точно – нет других «попаданцев» кроме вас и штатовских. Ну, это напоминает игру в шахматы двух гроссмейстеров. Когда шансы примерно равны. Нет же за доской третьего игрока. Поэтому пешек и ферзей равное количество у обоих игроков. И к ним как будто сам Господь подбросил таких же бравых парнишек, как и вы. Чтобы шансы уравнять. К ним – и больше ни к кому. Мы специально проверяли – нигде не были зафиксированы больше такие изменения в политике и экономике, как у нас и у США. Так что выводы очевидны. Но вот кого-то это не устроило. И этот кто-то – кого мы пока не вычислили – медленно, но уверенно стал набирать обороты. Вначале постепенно, используя тех же американцев, видимо, втёмную, а потом... потом пошли и теракты, и войны у нас... точнее, межнациональные конфликты. Советский Союз серьёзно усилился, и устоял против целенаправленных попыток его развалить. Конечно, и вы помогли – чего уж там. Но чем больше трудностей наша страна преодолевала – тем больше ощущалось давление на нас извне. Так что вам явно придётся с этим столкнуться. Как и когда – это уже вы сами решите. Вернее, мы решим – я ведь тоже с вами. И раз я всего этого не помню – значит, наши реальности действительно разные. Поэтому передай мне там, у себя – никаких больше хождений. Делайте там своё дело. А если судьбе будет угодно, ты ещё попадёшь в будущее.

Максим встал со своего стула и потянулся, разминая кости и мышцы.

– Однако, засиделся я у вас. В общем, я понимаю – вы считаете, что мы у себя всё равно пойдём по проторенному вами пути. Но как понять вас – с одной стороны, вы не даёте ответ на многие вопросы, мол, это вредит будущему и прошлому, а, с другой стороны, предостерегаете меня и всех нас... и вас в том числе. Где логика?

Вронский рассмеялся.

– Логика здесь нет, есть интуиция и предвидение. Ты что – забыл, что это вы помните будущее, а я его предугадываю. Вы сделаете то же самое, что и должны сделать, раз попали в прошлое. Просто с моими небольшими подсказками вы сделаете это раньше. То есть, вы пойдёте той же дорогой, но, благодаря указателям, не будете по этой дороге блукать. Поэтому я ничего не меняю – я только ускоряю. А если бы я дал тебе, Максим Викторович, полный расклад – вы бы лишились свободы выбора и шли бы точно так же, как и мы. О последствиях я тебе уже рассказал. Но хватит теории. Тебе пора готовиться к возвращению...

Максим удивился.

– Но вы же сами сказали – никаких искусственных перемещений?

Вронский улыбнулся.

– А искусственных и не будет. Ты просто заснёшь и проснёшься уже в своей реальности. Как только твой мозг снизит свою активность – мы тебя там выдернем.

Глава пятая. Третья сила

Люди всегда хотят справедливости. Правда, каждый понимает это слово по-своему. Потому что многие рассматривают справедливость только применительно к своей личности. Но тогда это уже не справедливость, а скорее, компенсация. То есть, если кто-то по каким-то причинам не достиг определённых вершин в своей карьере, бизнесе и других областях человеческой деятельности, то он требует справедливости, так как считает себя достойным лучшего. Конечно, в нашей жизни такое часто случается – многие люди не достигают того, чего могли бы достигнуть и чего достойны потому, что у них есть достоинство. Хотя именно они достойны лучшей жизни. Но, к сожалению, как сказал один философ, к власти приходят только худшие. Поэтому лучшие живут намного хуже худших. И, чаще всего, если человек далеко не всегда заслуживает того положения в обществе, обеспечения материальными благами и признания, он всем этим как раз и обладает. То есть, те, кто, казалось бы, не имеет никаких достоинств, тем не менее, оказываются наиболее достойными и состоятельными. В противовес действительно достойным людям, которые так и не смогли занять достойное место в этой жизни.

Почему так получается?

Швеция, Хельсингборг год 1977, июнь

Денис Хили, теневой министр финансов Великобритании и, одновременно, канцлер казначейства, среди английского истеблишмента был известен под прозвищем «Председатель». Уж очень он любил председательствовать на различных совещаниях, а также возглавлять некоторые закрытые клубы. Например, он был председателем в клубе Boodle's, который был основан не кем-нибудь, а премьер-министром Великобритании, лордом Шелберном, и до сих пор считается одним из самых престижных в Лондоне.

Но истинную причину появления такого прозвища знали очень немногие. Впрочем, действующий председатель Бильдербергского клуба Денис Уинстон Хили понимал, что именно благодаря анонимности этого клуба, а, точнее – его неформальности – его реальное влияние на многие процессы, происходящие в мире, так велико. И очень зря многие политики и бизнесмены недооценивают практическую пользу неформальных встреч.

Председатель, привлекая внимание собравшихся, постучал деревянным молотком по специальной подставке на тяжёлой дубовой трибуне, находившейся справа от старинного камина, прибывшего сюда как будто бы напрямую из Викторианской эпохи. Впрочем, вся обстановка в этом небольшом, но уютном зале напоминала добрую старую Англию – полированное дерево, столовое серебро, массивные кожаные кресла, обязательный камин, тяжелые плюшевые шторы, сигарная терраса. И ещё – внизу находился винный погреб. В который пока что за всю историю существования клуба спускались только слуги.

Этот старинный замок не был постоянным местом для собраний членов клуба. Чаще всего они собирались в разных городах – либо в замках, либо в дорогих гостиницах, но всегда в условиях полной секретности. Обычно происходило это один раз в год, но в течение 4 дней, как правило, в мае-июне. Здесь, в Швеции чаще всего собирался самый узкий круг – так называемый Комитет управления. В основном это были именно те, кто некогда стал учредителями клуба и присутствовал на его первом заседании, состоявшемся в голландском городе Остербек в отеле «Бильдерберг». После чего с лёгкой руки Дениса Уинстона Хили, одного из основателей этого неформального объединения наиболее влиятельных людей в сферах мировой политики, бизнеса или банковского дела, ежегодные конференции так называемой Бильдербергской группы стали называться собраниями Бильдербергского клуба. Поэтому и обстановка таких собраний всегда подбиралась соответствующая.

https://albione.ru/images/gent_002.jpg

Председатель откашлялся.

– Господа. Собрания Бильдерберга – самые полезные международные встречи из всех, на которых я когда-либо присутствовал. Участники здесь всегда свободно высказывают свои мнения, не опасаясь последствий. Наоборот – самые смелые предположения и самые невероятные теории зачастую помогают членам нашего клуба разрабатывать интересные и перспективные комбинации. Наш клуб изначально ставил перед собой цель собрать вместе представителей элит, как из правой, так и из левой части политического спектра, дать им пообщаться в непринужденной, но роскошной обстановке, и посмотреть, какие идеи из этого родятся. А у нас, если говорить про политику, здесь вообще собрана вся мировая палитра. Но политика – это всего лишь инструмент управления. Как, собственно, и деньги. Правда, если денег никогда не бывает много, то политика иногда утомляет. Поэтому мы иногда занимаемся политикой во время отдыха.

Хили сделал паузу, собравшиеся перед ним в небольшой зале джентльмены, оценив шутку, вежливо похлопали. Председатель, наклонив в знак благодарности голову, продолжил.

– И сегодня мы собрались здесь, чтобы привести в порядок наши планы в отношении русских. Потому что происходящие в последнее время на территории Советского Союза события не только разрушили часть наших планов, но и вызывают серьёзные опасения.

– А что именно вызывает у вас, мистер Хили, опасения? По-моему, сегодня русские очень даже договороспособны, а их новые руководители проявляют завидное здравомыслие, – отзывался респектабельный мужчина, снимая с носа старомодные очки в роговой оправе и протирая линзы бархатной тряпочкой. Затем он положил свои очки в кожаный футляр, достал сигару, обрезал её кончик каттером и закурил.

Председатель улыбнулся.

– Я вас понимаю, герр Шмидт, как канцлера Германии. Но не совсем понимаю вас, как политика международного уровня. Русские сделали вам несколько поблажек, поманили статусом Западного Берлина, пообещали ослабить пропускной режим. А раньше ФРГ и СССР подтвердили незыблемость границ по Одеру – Нейсе. Вы ведь официально признали свои восточные границы как законные и зафиксированные в международном порядке? Теперь вы думаете, что русские вас отблагодарят?

Гельмут Шмидт, канцлер ФРГ и постоянный член Бильдербергского клуба, пыхнул сигарой, и ответил, не вставая с кресла.

– Я ничего не думаю – я знаю, уважаемый господин Хили. Нам выгодно сейчас дружить с большевиками, тем более, когда их теперь возглавляют жёсткие прагматики. Границы и так были зафиксированы международными договорами, при участии, кстати, и Великобритании. Так что в этом мы особых уступок не совершали. Что касается статуса Западного Берлина и пропускного режима между ФРГ и ГДР, то это – достойная компенсация за ракетные комплексы с ракетами средней дальности РСД-10 «Пионер». И нам не нужны американские военные базы, чтобы какой-то пьяный полковник нажал красную кнопку. Так что в данном аспекте лично нас, немцев, пока всё устраивает.

Председатель покачал головой.

– Ах, господин Шмидт, не всё можно взвесить на ваших немецких весах. Согласен, американские базы вас раздражают и влияют на вашу политику, но половина Германии оккупирована коммунистами. Это пока что большая проблема – немцы разделены на восточных и западных, многие семьи разорваны и вообще, нация состоит из двух половинок. Вот если бы русские пообещали воссоединить Германию – я бы ещё понял...

– А чем вам, герр Шмидт, не угодили наши военные базы, – подал внезапно реплику молодой человек в очках, напоминавший сову.

Шмидт нервно обернулся.

– А, старина Генри, вы, как всегда, решили проявить своё рвение в борьбе с родиной предков.

– Скорее, защитить родину предков, – тут же возразил очкарик.

Шмидт улыбнулся.

– Мистер Киссинджер, или, если быть точными, герр Хайнц Альфред Киссингер, когда в 1938 году ваши родители убегали из Баварии, чтобы не попасть в концлагерь, вы не особо рвались защищать вашу родину. А сейчас, когда еврейский мальчик из Германии вдруг стал секретарём США, вам не терпится эту Германию защитить? Смею вам напомнить, что защитили Германию всё те же русские. Освободили и защитили. Так что на сегодняшний день мы сами разберёмся, кто нас будет защищать.

Генри Киссинджер, уязвлённый упоминанием своего еврейского происхождения, тут же огрызнулся:

– Большевики просто присадили вас на свою газовую иглу. Вы ведь почти пять лет получаете их газ, не так ли? А лично вы, герр Шмидт, имеете профит от сделок компании Verbundnetz Gas, не так ли?

Денис Хили стукнул молотком по трибуне.

– Джентльмены, давайте сегодня снизим градус дискуссии. Господин Киссинджер, господин Шмидт. Генри, вы ещё будете иметь возможность высказать своё мнение. Сейчас, раз господин Шмидт изложил свой взгляд на русский вопрос, послушаем его.

Председатель обратился к Шмидту:

– Я понимаю вас, дорогой Гельмут, с одной стороны – сделка с коммунистами решает многие экономические и даже политические проблемы, а с другой – бизнес ваших родственников и ваш лично также весьма важен. Но я сегодня хочу поговорить не о геополитических раскладах. К ним мы вернёмся чуть позже. Сейчас меня беспокоят те процессы, которые происходят внутри Советского Союза. И прежде всего резкая смена лидеров в обойме руководителей коммунистической партии – ведь практически все члены команды Брежнева ушли, кто на покой, а кто в страну вечных снов. И как-то поразительно быстро, не правда ли? Потом, экономические и политические реформы. Которые также заставляют задуматься. И эта попытка переворота, к которому, каюсь, я немного приложил руку...

– Кстати, Денис, какого чёрта вы влезли в эту драку русских с русскими? Неужели нельзя было подождать и потом уже играть в эти игры? – внезапно с раздражением перебил председателя полноватый рыхлый джентльмен с пепельно-седыми волосами и большими залысинами, сидевший у камина и потягивавший виски из бокала.

– Да, согласен с сэром Эдвардом, мы напрасно засветились в этом деле. Ведь было ясно, что молодые сожрут стариков, почти все эти, как их там называют, «комсомолыцы» прошли войну в боевых частях, их довольно долго задвигали и вот теперь они решили отыгаться. Надо было просто проследить за всеми этими рокировками, а потом играть на понижение, – поддержал своего соседа довольно молодой человек с пышной гривой чёрных волос и колючим взглядом.

– Мои дорогие коллеги, вы, барон Оуэн и вы, сэр Ричард. С одной стороны, вы, конечно, правы – особенно вы, барон, как государственный секретарь по иностранным делам и делам Содружества. Но пока что вы на этом посту выражаете прежде всего интересы Джеймса Каллагана и лейбористской партии. И вы, сэр Эдвард Ричард, уже не премьер-министр Великобритании. Поэтому я понимаю, что некоторые аспекты геополитики вы можете упустить.

– Вы, господин Хили, тоже бывший министр финансов и член теневого кабинета министров, так что не надо говорить нам о том, что судьба Британии вас так сильно волнует, – заметил Дэвид Энтони Ллевеллин Оуэн, барон Оуэн, министр иностранных дел Англии.

Председатель снова улыбнулся.

– Сегодня мы здесь собрались не для того, чтобы пикироваться и обмениваться колкостями. Да, я сегодня в теневом кабинете, как и здесь, – Хили обвёл руками кабинет, в котором заседали члены клуба, – но тень даёт свои преимущества. Я нисколько не засветился в

той операции русских против своего руководства. Просто мой человек, который находился в окружении министра обороны коммунистов и был завербован нашими спецслужбами, выполнил свою миссию. Игра стоила свеч – если бы старики выиграли, то, во-первых, их политика оставалась бы предсказуемой, во-вторых, наш агент серьезно бы возвысился, ну и, в-третьих, Германия не была бы окружена русскими ракетами. Увы, более молодые волки загрызли старых и оказались слишком резвыми. Именно по этой причине я сегодня и хотел бы выслушать соображения членов клуба.

– Мы, как более молодые, с бароном Оуэном, послушаем более опытных игроков, – тут же заявил сэр Эдвард Ричард Джордж Хит, которого даже политики из его окружения часто называли Тедом. Не за молодость, а за умение прикинуться в нужный момент простаком.

Сорокалетний барон Дэвид Оуэн, действительно выглядевший среди своих более степенных коллег довольно молодо, кивнул, не говоря ни слова. Но тут в разговор вмешался другой молодой человек, правда, выглядевший постарше барона ввиду того, что его высокое чело давно уже перешло в обширную лысину.

– Я не считаю молодость недостатком. И не считаю, что русские слишком уж зарываются. Да, в Европе они очень быстро продвинулись там, где раньше топтался Брежнев, но изначально именно их коммунистический лидер протянул европейцам газовую трубу. И все согласились на то, что русский газ им нужен.

– Конечно, дон Хуан, у вас в Испании тепло, вам централизованное отопление не нужно. А нам в Германии, особенно зимой, русский газ не помешает, – ворчливо заметил Гельмут Шмидт.

– Дело не только в газе, русские, наконец-то, отошли от своих догм в территориальных вопросах. И вы, дон Хуан, как испанский король, должны понимать, что это, когда часть вашей земли находится во владениях другого государства, – перебил дон Хуана Карлоса Первого сухощавый белобрысый господин, сидевший с краю.

– Джентльмены, – снова постучал по трибуне деревянным молотком председатель, – давайте не будем сейчас заниматься частностями. Я понимаю, что для Германии русский газ, а для Польши – территории Восточных Кресов являются важными темами. Поэтому я понимаю вас, господин Бжезинский, хотя сегодня вы и являетесь советником по национальной безопасности президента США. Но Польша – родина ваших предков, так что ваши чувства мне понятны. И всё же сейчас речь идёт не о дипломатических победах коммунистов – надо отдать им должное, после эпохи «мистера Нет» мы получили весьма напористую внешнюю политику Советов. Дело совсем в другом. Итак, у них там произошла смена власти. Вполне возможно, что это зрело давно. Коммунисты убрали Сталина и поменяли его на Хрущёва. Но новый их лидер проявил себя резким и неуступчивым, поэтому мы содействовали смене Хрущёва. Брежнев всех устраивал. Однако мы не ожидали, что процессы внутри Советского Союза так обострились и, честно говоря, оказались не готовы к перевороту. Зато очень хорошо теперь знаем, как всё происходило. Так вот, господа, перемены там начались серьёзные. И вопрос стоит тоже очень серьёзный. Если на нашей общей встрече здесь, в Швеции в 1973 году был одобрен специально разработанный сценарий повышения мировых цен на нефть и принят план контроля над мировыми потоками нефтедолларов, то сегодня этот план может быть оказаться под угрозой срыва. Политика всегда идёт впереди экономики. Мы принимаем политические решения для того, чтобы обеспечить решения экономических вопросов.

– Вот именно. С этого места хотелось бы поподробнее, уважаемый Председатель, – проскрипел из дальнего угла пожилой джентльмен в очках, сильно напоминавший ястреба. Возможно, это сходство было из-за его большого и выступавшего вперёд носа, который, скорее, напоминал клюв, а, может быть, его взгляд, казалось, прожигавший насквозь, напоминал взгляд хищной птицы, которая готовится напасть. В любом случае этот член клуба явно был

не на последних ролях и его голос прозвучал, как щелчок предохранителя у пистолета. Это почувствовали все собравшиеся.

Председатель ответил не сразу. Он оглядел всех членов клуба, которые уютно расположились в большом зале, кто в креслах, а кто на мягких диванах. Некоторые держали в руках бокалы с разными напитками. Чаще всего это было вино или коньяк. Кто-то дымил сигарой или раскуривал трубку. В дискуссии принимали участие всего несколько человек, остальные внимательно слушали. Но это совершенно не значило, что им нечего было сказать.

– Дорогой мистер Лоуренс. На сегодняшний день у меня есть неопровержимые доказательства того, что в мире изменился не только политический расклад, но и поменялся весь баланс, который выстраивался после второй мировой войны. И дело здесь не только в том, что произошли весьма серьёзные изменения у русских. Дело в том, что эти изменения могут произойти и в Соединённых Штатах. Именно поэтому я сегодня созвал только Комитет управления нашего клуба, чтобы обсудить стратегические задачи, которые были обозначены Консультативным комитетом.

Пожилой джентльмен махнул рукой, как бы пытаясь отмести от себя привычные и шаблонные формулировки и снова задал вопрос:

– О каких конкретно изменениях вы говорите, уважаемый мистер Хили? Тем более, при чём здесь Америка? У нас пока что не собираются менять президента.

Среди собравшихся прошелестели смешки. Все прекрасно знали, что один из истинных руководителей Бильдербергского клуба Лоуренс Спелман Рокфеллер, один из пяти братьев Рокфеллеров, как раз и мог влиять на смену президентов в США. Клан Рокфеллеров в последние двадцать лет опередил клан Морганов не только в политическом влиянии, но и в финансовом могуществе. А всё потому, что Рокфеллеры стали серьёзно заниматься политикой. И собрания Бильдербергского клуба очень часто подсказывали его основателю Лоуренсу Рокфеллеру очень грамотные и своевременные решения.

– Дело в том, уважаемый мистер Лоуренс, что смена власти в СССР произошла не только под влиянием внутренних противоречий, которые накопились в руководстве у коммунистов, но и в результате некоторых внешних факторов.

Рокфеллер поморщился.

– Только не говорите мне, мистер Хили, что это ваша работа. Я понимаю – вмешаться в заговор и организовать работу агентов Ми-6 – это, возможно, и ваша зона ответственности, я в такие мелочи не вникаю. Но вот смена руководства в такой огромной стране, да ещё и у наших потенциальных врагов – об этом я должен был знать. И вряд ли вы решились бы провести такую операцию. Значит, внешнее влияние исходило не от нас. От кого тогда?

– В том-то и дело, мистер Лоуренс, что оно вообще не было, так сказать, влиянием политическим. Скорее, это влияние иного порядка. Я бы назвал это термином «Третья сила».

Рокфеллер снова поморщился.

– Мистер Хили, я понимаю, что вы, англичане, привыкли у себя в парламенте к красивым оборотам речи. Но мы здесь все деловые люди, и я хотел бы услышать конкретику. Третья сила – это мы, наши собрания дают возможность принимать решения, которые влияют на мировые процессы. Одной из главных наших целей сегодня является создание европейского супергосударства с собственным центральным банком и единой валютой, находящегося, естественно, под контролем США. Мы руководим самыми важными процессами, особенно в послевоенной Европе, потому что противостояние двух политических систем чревато не только новой мировой войной, но и крахом всего человечества. Ядерное оружие не оставило нам шанса на ошибку. Поэтому не стоит говорить о какой-то там третьей силе.

Денис Хили поднял руку, как бы призывая не торопиться с выводами.

– Я понимаю ваше раздражение, мистер Лоуренс, но, пожалуйста, дослушайте меня спокойно. Я говорил о третьей силе не случайно. Потому что, судя по докладам наших агентов,

а также выводам аналитиков, у большевиков произошли явления, которые не подпадают под обычную классификацию. У них появились необычные люди, которые повлияли на многие события. Точнее, именно они ускорили смену власти в СССР, которая могла и не произойти. То есть, Брежнев не должен был потерять власть. И, соответственно, история развивалась бы в том направлении, которое мы давно просчитали и для себя определили, как допустимое. Теперь же всё изменилось и поэтому мы собрались здесь.

– А вот это уже совсем интересно. Я так понимаю, что разговоры про инцидент с НЛО в Розуэлле – это всё-таки не досужие выдумки газетчиков? – внезапно вмешался в беседу представительный мужчина, куrivший трубку.

Денис Хили улыбнулся.

– Нет, уважаемый мистер Джозеф, ваш фонд Карнеги может спать спокойно, речь идёт не об инопланетянах. Точнее, я не могу сказать, кто именно явился катализатором событий у коммунистов, но я абсолютно точно могу сказать, что такие люди есть и в Соединённых Штатах. Именно поэтому вы, господин Лоуренс, а также присутствующие здесь господа Джонсон, Киссинджер, Бжезинский, барон Эдмунд Ротшильд, и особенно господин Макнамара заинтересованы в том, чтобы эти люди были выявлены и использованы в наших целях. Потому что если выкладки наших аналитиков хотя бы на 20% подтвердятся, то наши ежегодные собрания потеряют свою актуальность.

В зале повисла тишина. Слова, сказанные председателем, были настолько неожиданными и не укладывающимися в парадигму существующей реальности, что вся система ценностей, знаний и правил не могла далее оставаться руководством к действию всех этих джентльменов. Это всё равно что во время игры в шашки поменять правила и играть «в Чапаева», сбивая фигуры противника щелчками.

Первым нарушил молчание Лоуренс Рокфеллер.

– Если я правильно понял, мистер Хили, среди русских появились необычные люди? Что-то вроде «Людей Икс» из комиксов издательства Марвел?

Председатель изобразил аплодисменты.

– Вы прекрасный аналитик, мистер Лоуренс. Это, конечно, не совсем мутанты, но в чём-то сценаристы из «Марвел» оказались пророками. И их фантазия у русских воплотилась в реальность.

Рокфеллер раздражённо перебил Хили.

– Денис, ну хватит уже ходить вокруг куста. Называйте уже лопату лопатой. (американская поговорка «to call a spade a spade» соответствует известной поговорке «хватит тянуть кота за хвост»). Что за люди появились у русских? В чём их необычность? Как они повлияли на смену политического вектора большевиков? И почему вы считаете, что такие люди должны быть и в США?

Председатель развёл руками и изобразил поклон в сторону Рокфеллера.

– Преклоняюсь. Недаром вы, мистер Лоуренс, так преуспели в издательском деле. Вы прекрасный журналист и ваши вопросы точно бьют в цель. Я сейчас кратко отвечу на ваши вопросы, но после моих ответов вопросов будет ещё больше. Поэтому я подготовил для вас, то есть, для всех членов клуба небольшую справку. Сейчас её принесут и вы прочтёте подробности. Что касается тех, кто повлиял на процессы в СССР – это не совсем люди.

Рокфеллер изумлённо приподнял брови, желая что-то спросить, но Хили опередил готовый сорваться с его губ вопрос и быстро продолжил.

– Это дети. Точнее, подростки. И, как нам удалось выяснить, эти подростки обладают знаниями, которыми они не могут обладать. Эти мальчишки – а это именно дети мужского пола – были личными телохранителями высших партийных чиновников у коммунистов. Кроме того, по нашим сведениям, они принимали участие в заговоре и некоторые из них даже причастны к устранению некоторых коммунистических вождей. Таким образом, уже можно считать этих

детей необычными. Но выяснился ещё один момент. Эти дети входят в спецподразделение секретной спецслужбы коммунистов. Получается, разговоры о секретном отделе в сталинском НКВД не были просто разговорами. И, наконец, самое важное. С этими детьми плотно работает известный экстрасенс Вронский, который работал в годы второй мировой войны у Гесса и Гитлера. А потом в КГБ. Этот господин – кстати, тоже очень необычный человек – может предвидеть будущее. Поэтому все изменения, которые происходят у большевиков, наши аналитики оценивают, как шаги на опережение этого самого будущего. Получается, если связать необычных детей, господина Вронского и будущее, так или иначе Советы научились каким-то образом туда заглядывать. И менять его. Это пока что версия, но мы можем её проверить.

– Это, конечно, фантастика. Если бы эти слова произнесли не вы, мистер Хили, я подумал бы, что это – блеф. Но я хорошо вас знаю. Так что не буду подвергать сомнению всё то, что вы сейчас нам рассказываете. Но как, чёрт возьми, мы проверим такое? – Рокфеллер достал носовой платок и промокнул своё внезапно вспотевшее лицо.

Председатель поднял руку, как бы заверяя собравшихся, что он готов сообщить решение.

– Как, наверное, знает господин Киссинджер, проект «Корзина желаний», который разрабатывался в США с 1973 года, в этом году дал первые ощутимые результаты. Ваш сотрудник Пэт Прайс смог разглядеть советские атомные подводные лодки, которые располагались у берегов Северной Америки. Поэтому сейчас стоит нацелить его на поиски внутри Америки. И, одновременно, привлечь некоторые американские спецслужбы к поискам по стране.

– Но кого же, чёрт побери, мы должны искать? – не выдержал Рокфеллер, повышая голос. Хили улыбнулся.

– Детей. Наших детей. Когда мы найдём таких же детишек, каких нашли большевики, мы разгадаем их загадку. Я уверен в том, что у вас они есть. Потому что в Англии мы их не обнаружили. Теперь нужно искать у вас, в Штатах. И что-то мне подсказывает, что вы их найдёте.

Глава шестая. Друзья вспоминают минувшие дни

Очень часто мы не осознаём, как слова, которые мы привычно произносим, несут иногда совершенно другую смысловую нагрузку, нежели та, которую мы в них вкладываем. И потом удивляемся тому, что нас не понимают другие. А ведь часто в наших словах заложен изначально как раз тот смысл, который со временем немного стёрся и сверху его накрыл новый смысл. Который скрыт до поры до времени. Но он есть. Вот, например, слово «окружающие». Казалось бы – это те люди, которые тебя окружают. Но смысл ведь двоякий. А зачем они тебя окружают? А если совсем окружают – что потом? То есть, окружают – берут в кольцо? И потом что? Уничтожат?

А слово «близкие». Понятно, что этим словом принято обозначать родственников. Но слово это не совсем отражает суть вещей. Ну, просто, близкие к тебе люди. Ближе, чем другие. А если ближе к тебе, то ты – в пределах досягаемости. Их досягаемости. И как часто тебя больше всего ранят именно слова близких людей. А потому, что они – близкие. От дальних пока долетит... Получается, прежде всего нужно опасаться именно близких и окружающих тебя людей?

Москва, год 1977, октябрь

Максим осмотрел всех своих «друзей поневоле». Виктор Уткин из Ленинграда, бывший начальник главка Минюста России. Иван Громов из Волгограда, снайпер спецотдела ГРУ. Кёсиро Токугава, он же Костя-Ниндзя, его друг и боец из диверсионно-разведывательной группы «Стикс», был тяжело ранен на Донбассе в районе Авдеевки. И Миша Филькенштейн по кличке Филин из Одессы, уголовник и мастер борьбы крав-мага, самый старший среди них. Миша попал в прошлое в результате артобстрела Хайфы, Витю сбил грузовик во время беспорядков в Барселоне, Иван Громов был контужен в Сирии, а его друг Костя, как и он сам, переместился в своё детское тело после того, как во время боевого рейда на Донбассе летом 2017 года был тяжело ранен. Сам Максим попал в 1976 год позже всех, но из будущего исчез первым, когда в 2016 году под Авдеевкой рядом с ним разорвался снаряд.

Пятеро «пришельцев из будущего», или, как их назвал майор Шардин, «попаданцев», попали в прошлое не в классическом, так сказать, научно-фантастическом варианте, не с помощью машины времени. Максим и его «коллеги просто пришли в себя. То есть, в самом прямом понимании этого слова – потеряв сознание в будущем, пришли в себя уже в прошлом. В себя – это значит, что сознание взрослых переместилось в их детские тела, точнее, в тела подростков. При этом не только знания, но и все умения, мышечная память, а также всё, что сопутствует высшей нервной деятельности – все эти нейронные связи головного мозга прекрасно совместились с детским скелетом и мышечным корсетом, а также связками, сухожилиями и прочим багажом подросткового тела.

В результате не занимавшийся никогда серьёзно спортом в своём детстве Максим Зверев, который уже позже, юности стал чемпионом Украины по смешанным единоборствам – панкратион, боевое самбо, ушу-саньда. И получив второй шанс прожить свою жизнь, стал прекрасным боксёром и самбистом, одержал ряд впечатляющих побед на юношеских соревнованиях по боксу и самбо. Точно также его «товарищи по счастью» продемонстрировали прекрасные результаты симбиоза взрослого мозга и подросткового тела. Это, собственно, и помогло майору Шардину вычислить всех пятерых «пришельцев».

Все «гости из будущего» или «попаданцы», как их стали называть сотрудники Комитета государственной безопасности, которые были допущены к одной из самых серьёзных государственных тайн СССР, входили в секретный отдел КГБ «Омега». В этот же отдел были включены старший лейтенант КГБ Сергей Колесниченко, недавно ставший капитаном, капитан Виталий Краснощек, спец по силовым контактам и капитан Александр Маринкевич, руково-

дитель информационного отдела. Руководил отделом «Омега» его создатель, майор КГБ Виктор Игоревич Шардин.

И ещё три человека входили в этот отдел. Валерий Валентинович Кустов, Владимир Иванович Сафонов и Сергей Алексеевич Вронский, который был известен высшему руководству КГБ под псевдонимом «Мерлин». Это были сотрудники секретной воинской части №10003. Секретность этого подразделения была настолько серьезной, что про эту «в/ч» знали всего несколько человек в руководстве КГБ, МВД и Минобороны, а также некоторая часть «кремлевских старцев». То есть, даже не весь состав Политбюро ЦК КПСС. Понятное дело, что Комитет государственного контроля в первую очередь привлёк к проекту «Рокировка» именно этих специалистов. А после того, как смена власти в СССР, но, по сути, государственный переворот увенчался успехом, и был создан отдел «Омега», куда были включены и три самых главных сотрудника так называемой в/ч 10003. Теперь вся эта воинская часть превратилась в отдельный секретный отдел КГБ. Только кроме так называемых специалистов в области биоэнергетики, которых стали называть экстрасенсами, в этом отделе были самые настоящие паранормальные феномены. И теперь это было совершенно новое и, наверное, самое секретное воинское подразделение в СССР.

Сегодня весь отдел был в сборе. Кроме, конечно, оперативных подразделений. Присутствовали только те, кто составлял его основу. Так сказать, его мозг.

Максим вздохнул, не зная, с чего начать.

– Что, Максим Викторович, тяжела шапка Мономаха? – участливо спросил Зверева Вронский.

Макс кивнул.

– Да уж, Сергей Алексеевич, непросто это – видеть вас постаревшим столетним стариком. Вронский хохотнул.

– Вот как! Не скрою, приятно услышать, что проживу столько. Я-то себе меньше отмерил. Максим улыбнулся и съязвил.

– Так то, Сергей Алексеевич, вы проживёте в той реальности, куда я попал. А в этой – кто его знает... Вы же сами свою теорию создавали, о жгутиках и проводах. Разные это реальности, разные. И я не зря тогда, перед последним «нырком» в будущее вам говорил, что это самое будущее менять нельзя.

– Менять нельзя, корректировать – можно, – не согласился Мерлин. – Мы уже обсуждали с тобой все варианты, так что не будем сейчас всё по новой. Тем более, что не все наши товарищи посвящены во все эти тонкости. Давай все же ближе к делу.

Максим тяжело вздохнул.

– Ну, что ж, давайте. Я так понимаю, в первую очередь, кроме моего отчёта, который я написал, всех вас интересуют подробности?

Майор Шардин кашлянул.

– Мы, Максим, с отчетом бегло ознакомились. Но если по-нашему, точнее, по вероятному будущему все более-менее ясно, то самый главный вопрос – это некая третья сила, которая существует в нашем мире. Ведь векторы развития наших реальностей совпадают, а раз так, то, получается, глобальных ошибок мы пока не сделали. И то, что в СССР сменилась власть, точнее, сменилось руководство коммунистической партии, не вызвало какие-то катаклизмы. Причём, не только у нас, на территории СССР, но и во всём мире. В Москве не произошло землетрясение, на Урале – извержение вулкана, а на Украине – не грянул потоп.

Максим вздохнул и возразил.

– Ну, скажем так, как раз оттого, что в нашем прошлом не произошла смена руководства КПСС, в будущем как раз катаклизмы и произошли. В том числе и на Украине. Вы же читали отчёты наших магов-кудесников – и про Чернобыль, и про майданы...

– Максим Викторович, ты не путай кислое с тёплым, – снова вмешался Вронский. – Мы говорим не о том, что в вашем прошлом не произошло и поэтому, наверное, вы все к нам и попали, а о том, что в нашем прошлом произошло и как это аукнется в будущем. Ведь если мы не допустим повторения ошибок вашего времени, то не значит ли это, что они всё равно вылезут, но попозже?

Максим грустно улыбнулся.

– В том-то и дело, что это гарантировать нельзя. Я же докладывал и о Таджикистане, и о Чечне. Ну и другие были моменты. Так что, если вы... точнее, мы не допустим Чернобыльской катастрофы, это, конечно, не значит, что такая катастрофа вообще не станет возможной. Но, быть может, она случится не у нас, а в той же Америке. Или у нас, но на другом уровне. Поэтому надо устранять не следствие, надо устранять причину.

Шардин что-то записал себе в блокнот, после чего задал вопрос:

– Что ты имеешь в виду под словом «причина»? Не строит АЭС? Не строить АЭС на Украине? Не строить Чернобыльскую АЭС?

Максим раздражённо дёрнул головой.

– Да причина вовсе не в атомных станциях. Причина в недостаточном контроле – раз, и в извечной нашей халатности – два. Опять же, станции эти стали строить очень быстро – все построили с 1980 по 1987 годы. Хорошо ещё, что не достроили Крымскую АЭС – вообще голову надо было отвернуть тому, кто это предложил. Так вот, атомные станции – это дорогие проекты. А когда началась эта идиотская горбачёвская Перестройка, так контроль ослаб – ведь коммунистическая партия была признана злодейской и преступной, вот и некому стало контролировать. Да и деньги у государства как-то сразу закончились. Вот вам и причины Чернобыльской катастрофы.

– А не может так получиться, что если у нас с контролем всё буде хорошо, то позже, если обстоятельства изменятся, всё равно вылезет эффект Чернобыля. Ну, как это было с рокировкой Афганистан-Таджикистан? – задал вопрос Шардин.

Зверев почесал лоб.

– Вы, товарищ майор, вопросы задаёте... Не могу я такое знать и предугадать не могу. Тут цепочка любая может быть. Одно я понял точно, это как закон Мэрфи – если неприятность должна случиться, она непременно случится. Поэтому надо исключить такую вероятность.

– Но, если мы исключим такую вероятность у себя, не может ли она произойти вне нашего контекста, – задал новый вопрос Шардин.

Максим озадаченно посмотрел на майора.

– А вот сейчас не понял. То есть, как вне нашего контекста? Без моих походов туда-сюда? Или без изменений в дальнейшем? То есть, законсервировать происходящее и дальше идти строго по шаблону прошлого СССР?

И снова вмешался Вронский.

– Да нет же, Максим. Виктор Игоревич имел в виду, что если мы не напортачим, то могут ли произойти изменения, скажем, в тех же Штатах. Скажем, мы вот предотвратим расползание СССР и, вследствие этого, не случатся на Украине все эти Майданы. Но тогда в самих США та энергия, которая была затрачена на создание «цветных революций» – не вырвется ли она наружу и не ударит ли по самим создателям? Иными словами, а вдруг в Америке начнутся Майданы, революции и захваты власти? Вот как в России в вашем варианте штурмовали Белый дом и лупили по нему из танков – в США возможно такое?

Максим рассмеялся.

– Ну вы и предположили. Я даже не знаю, что должно случиться в Америке, чтобы у них там началась гражданская война. У них же она была уже. Север против Юга, белые против чёрных. И тогда чёрные как бы победили – рабство в США отменили. Если бы я был сторонником антиутопии, я предположил бы в порядке бреда, что через 200 лет снова началась граж-

данская война между чёрными и белыми, где уже негры стали бы внедрять рабство для белых – то есть, расизм наоборот. Ну и штурм Белого дома в Вашингтоне... я даже не знаю, насколько это вообще реально. Тем более, что в США свободное ношение оружия, если там начнётся аналог украинских майданов, то перестреляют друг друга...

Бронский покачал головой.

– Нэ кажы гоп... Так, кажется, у вас на Украине говорят? Мы никогда не сможем предсказать, как могут повернуться события. Лично я, как ты знаешь, могу некоторые из них предугадывать, и вот сейчас мне как раз кажется, что именно так они могут повернуться. Это как река, которая ныряет под каменную гряду и обязательно найдёт себе дорогу под ней. Или если плотиной перегородить реку, то она может изменить русло. Накопление энтропии в эгрегоре Земли рано или поздно выльется в какие-то деструктивные события. Так почему бы им не быть такими?

Максим с интересом посмотрел на экстрасенса.

– А ведь вы правы, Мерлин. Вы и там, в том будущем тоже нечто такое говорили. Так вот, именно поэтому со мной пытались связаться американцы. Они как-то нас всех тут просчитали. И, что удивительно – предложили сотрудничество.

– Таки тебя вербовали наши вероятные противники, – подал свой голос Миша Филькенштейн.

– Да нет, Михаил, не вербовали – сами шли на вербовку. Похоже, кроме пиндосов кто-то ещё сел нам на хвост, – задумчиво сказал Максим.

– И этот «кто-то» обладает неплохими агентурными возможностями, – вклинился в разговор Александр Маринкевич. – Я отследил некоторые аспекты операции «Рокировка». Так вот, действия боевиков по устранению Генерального секретаря ЦК КПСС Кулакова были спланированы не нашими специалистами. Почерк англичан.

– Ми-6? – спросил капитан Краснощёк.

– Или подобные им структуры, – кивнул Маринкевич. – Однозначно это не американцы, и не Израиль. «Моссад» действует тоньше и готовит операцию тщательно. А здесь очень торопились и, похоже, само устранение генсека было лишь одной из целей многоходовки.

– А какие же там могли быть ещё цели, – удивился Иван Громов.

Маринкевич улыбнулся.

– Одна из целей – вы.

Громов вытаращил глаза на капитана.

– Мы? Да о нас и в КГБ почти никто не знает. Кто мог предполагать вообще наше участие в операции?

Маринкевич полистал свою папку и вытащил одну фотографию.

– Вот кто мог.

Все посмотрели на фото, которое капитан выложил на стол. Лицо изображённого на ней человека никому ни о чём не говорила. Неброская внешность, эдакое серое существо, которое через минуту трудно будет вспомнить.

– Идеальный разведчик, – хмыкнул Шардин. – Не запоминающееся лицо.

– Так точно, товарищ майор. Это баронесса Дафна Парк. Кстати, именно она, как мы выяснили, организовала в 1961 году убийство первого премьер-министра Демократической Республики Конго Патриса Лумумбы. Редкая стерва. Давно нам гадила. Официально Парк была вторым секретарём британского посольства в Москве, но в реальности с самого начала она являлась главой резидентуры МИ-6. Нам помог её разоблачить Джордж Блейк, он же Георгий Иванович Бехтер, бывший офицер британской разведки, ставший нашим агентом. Он был приговорен в Англии к 42 годам тюрьмы, но бежал и перебрался в СССР. Полковник Первого главного управления КГБ, между прочим.

– Но если она руководила, то как эта баронесса могла организовать наших бравых диверсантов, того же Мазура, например? Как мы знаем, приказы исходили от министра обороны Устинова, – вмешался в разговор Вронский.

Маринкевич выложил ещё одну фотографию.

– Капитан английской СИС или Ми-5 Джон Скарлетт, сотрудник отдела «Д» – организация диверсий за рубежом. Так вот, этот Скарлетт, свободно владея французским и русским языками, был внедрён в Москве под видом аспиранта на кафедре истории МГУ. Он был связан с начальником третьего разведывательного факультета Военно-дипломатической академии, бывшим резидентом ГРУ генерал-майором Дмитрием Фёдоровичем Поляковым. Сотрудничал этот генерал и с ЦРУ, оперативный псевдоним «Бурбон». Если бы американцы не поделились бы своим агентом с англичанами, мы бы этого Бурбона не вычислили. А так... сидит сейчас в Лефортово, даёт показания.

– Так, получается, ЦРУшники тоже причастны к покушению на Генерального? – спросил Вронский.

Маринкевич спрятал фото английских шпионов в папку и ответил:

– Нет, как нам удалось проверить по своим каналам и как нам сообщили коллеги из ГРУ, американцы ничего не знали – англичане использовали их в тёмную. И даже не так – сами английские резиденты работали не по приказу своего руководства. МИ-6 тоже кто-то использовал.

Максим вскочил.

– Вот! Именно об этом там, в будущем и говорил мне американец. Есть какая-то третья сила, которая, кстати, и грохнула пиндосов и следила за мной. И америкосы хотели, чтобы я с ними здесь, в прошлом, связался. Мол, нам надо сотрудничать! Значит, эта третья сила явно не связана с ЦРУ. А вот с англичанами – вполне возможно. В их стиле такие вот выходки. И такой теракт, как покушение на первое лицо государства, они вполне могли состряпать руками наших заговорщиков, этого недо-ГКЧП.

– Типун тебе на язык, – проворчал Вронский. – Смотри, как бы у нас ещё не повторилось это ГКЧП, только в новом варианте.

– Да уж... Мы только-только начали расхлёбывать в республиках, что там Брежнев заварил, – подтвердил Шардин. – Вон, Громова будем посылать в Азербайджан, а ещё в Узбекистане предстоит порядок наводить. Слава Богу, Таджикистан пока что в порядке, там Расулов у власти, не допускает никаких там феодальных перегибов. Но мы просчитали твой доклад и коррективы внесём.

Максим махнул рукой.

– Там ещё корректировать и корректировать. Но главное – не в этом. Нам с американцами надо связываться. Тем более, что формальный повод есть – их агент был задействован в теракте. Так что надо сначала по неофициальным каналам им предъяву кинуть. А параллельно выяснить, кто там в ЦРУ у них мутит воду, кто там главный и вообще – чем они там дышат.

Максима неожиданно поддержал Кустов.

– Вот-вот, с ЦРУ обязательно надо установить контакт. Опять же, у них вроде началась в прошлом году некая программа, которую позже называли Star gate – «Звёздные врата». Они параллельно с нами тоже изучают паранормальные явления. Правда, мы начали раньше, – хихикнул Кустов и глянул на Вронского.

Мерлин улыбнулся.

– Ну, ты, Валера, на меня не смотри, я когда начинал, не было ни «Омеги», ни отдела в КГБ, ни вашей в/ч. Я – это ещё не программа. Но вот то, что у них появились такие же ребятки, как наши – вот это уже серьёзно.

– Да, товарищи. Нас надо сейчас разобрать план действий. Ясно, что Звереву необходимо связываться с американцами, – вмешался Шардин.

– Почему именно Звереву? – удивился капитан Краснощёк. – Я хотел его задействовать в системе тренировок оперативных сотрудников отдела «Омега» и «Альфа».

Шардин поморщился.

– Громов задействован в операции «Оркестр», Филькенштейн нацеливается на израильские спецслужбы, кроме того, на нём подготовка сотрудников группы «Альфа», Токугава по-прежнему привлечён к операции «Рокировка» – как раз чтобы не возник наш вариант ГКЧП. Так что остаются только Зверев и Уткин. Тем более, Уткину, в прошлом начальнику главка российского Минюста, то есть, тьфу ты – в будущем, так вот, он как раз сможет с американцами нормально ладить. Ездил ведь в Штаты, Витя?

– Не только ездил – жил там, – тут же отозвался Уткин, который, к удивлению всех, всю дорогу молчал.

– Вот и ладушки. Мы отработаем подходы к ЦРУшникам, а вам, Максим, с Витей, видимо, придётся с ними уже серьёзные контакты наводить. Не исключено, что придётся туда съездить. Если у них там есть наши, вернее, такие как вы, «попаданцы», то кому, как не вам, с ними разговаривать? – подвёл итог Шардин.

Максим внимательно посмотрел на майора и тихо спросил:

– Но ведь мне там, в будущем сказали, что Витя погибнет... Может, не стоит ему со мной ехать?

Уткин улыбнулся.

– Что ты, сержант, тебе же сказали – у нас разные варианты будущего. Там я погиб, а здесь ты мне погибнуть не дашь. Правда ведь?

Зверь не поддержал оптимизма своего «коллеги».

– Ты, Витя, в чём-то, конечно, прав. Но я хорошо помню, как разлеталась башка у того американского попаданца... как его? Михаила Дудкина... И очень бы не хотелось именно его встретить у нас... А еще – чтобы он, Витя, стрелял в тебя...

Глава седьмая. Американский ниндзя

Китайская поговорка гласит: ##### – не решайтесь быть первыми в мире. В ней – просто бездна мудрости! Потому что кто ты такой, чтобы возомнить себя Первым? И твои достижения – всего лишь сиюминутный результат. Получается, чтобы все время быть первым, надо все время выдавать лучший результат?

И всю жизнь превращать в гонку за этим результатом?

Зачем?

США, Чикаго, год 1976, сентябрь

Миша очнулся и ощутил себя лежащим на земле. Точнее, на заплёванном и замусоренном горячем асфальте. Это было, по меньшей мере, странным – только что были раскалённые пески Сирии и вот на тебе. Где это он? Если его вытащили и отвезли в госпиталь, то почему он здесь, лежит на какой-то улице. Кстати, довольно грязной...

– Чего разлёгся, байстрюк? Тут тебе таки не спальня. Оклемался? Ну и давай бикицер ушивайся, мне полиции тут не хватало, – визгливый голос, казалось, ввинтился Мише прямо в черепную коробку.

Он поднял голову.

На него смотрела какая-то жирная тётка с препротивным лицом, похожим на морду шарпея – всё в морщинах, складках, с дряблыми, отвисшими щеками. Миша осмотрелся. Он лежал на тротуаре, на маленькой улице, рядом с каким-то то ли магазинчиком, то ли ресторанчиком – сразу не разберёшь.

– Где я? – спросил он и с удивлением услышал свой звонкий, почти мальчишечий голос.

Миша сделал попытку подняться и почувствовал головокружение. Что-то потекло по щеке, он машинально утерся рукавом и посмотрел на свою руку. Рукав был в крови.

– Люди, вы посмотрите, этот халамидник утраивает здесь драку, даже не драку, а целое побоище, ему пробивают голову, и он тут валяется, как у себя дома на диване. А потом еще и спрашивает, где он! – снова завизжала тётка.

– Мадам, хватит уже сотрясать воздух своими децибеллами, вы не в опере, – огрызнулся Михаил, с трудом встав на ноги.

Ноги тоже болели. Впрочем, болело всё тело, но больше всего – голова, причем, было такое впечатление, что ее пробили огромным гвоздём – соткой. Он пощупал голову и наткнулся на что-то липкое. Кровь? Вероятно, он реально хорошо приложился башкой. Или его приложили?

Он ничего не помнил. Точнее, последнее, что он помнил – это ротацию американской частной военной компании Academi, приезд в провинцию Дейр-эз-Зор, город Хашам. Их группу перебросили к газоперерабатывающему заводу, на позиции СДС – сирийских демократических сил. Которые через полчаса атаковали сирийцы из армии Асада. По штабу СДС открыли огонь танки и артиллерия, более двадцати снарядов влупили прямо по месту дислокации сил специальных операций армии США. В составе которых он числился в качестве советника.

Накрыло их плотно, в какой-то момент он получил удар по голове и всё. Темнота. Очнулся уже здесь.

– Хлопчик, ты ушивайся отседова, а то щас полисмен припхает свой тухес, и тебе, и мне будет делать вирванные годы. Ты увесь у крови, тебе башку гицели те провалили, двигай к мамочке, хай она тебе в больничку сводит. А мне проблемы ни к чему, скажут, старая Циля мальчику сделала обрезание не с того конца.

Миша посмотрел вокруг, потом на себя. И тут он вдруг понял, что смутило его с самого начала. Он был мальчиком! Не взрослым мужиком, которому недавно стукнул полтинник. Не

опытным рейнджером, «солдатом фортуны», который всю свою жизнь мотался по «горячим точкам» и мелким конфликтам, что затевала Америка по всему миру. Не битым жизнью эмигрантом, который прогрыз себе место под американским солнцем, а сопливым пацаном. Малолеткой. И, судя по всему, он находился в Чикаго. То есть, там, куда он переехал в 1971 году из Одессы со своими родителями. Он вырос в этом городе и узнал бы его даже спустя почти сорок лет.

– Этого не может быть, – прошептал он.

– Шо ты там лепечешь, горе ты луковое? Ушивайся шустрее, я тебе говорю, мне неприятности не нужны. Иди у себя с теми своими гицелями решай, возле своего дома, там пусть они тебе хоть голову открутят, токо бы не рядом с моей лавкой, – тётка снова завизжала, как «болгарка».

Михаил, пошатываясь, пошёл по улице, лишь бы подальше от этого визга. Голова раскалывалась, надо было собрать мозги в кучу и проанализировать ситуацию.

«Значит так. Меня накрыло артиллерией, видимо, контузило. Или что похуже? Но почему я здесь, почему я стал ребёнком... Так, стоп. Это моё тело или не моё?»

Миша осмотрел себя. Руки вроде его. Ноги тоже. Впрочем, руки как руки, ноги как ноги. Хотя, стоп, есть у него на теле особая примета. И Миша, воровато озираясь, расстегнул непослушными руками ширинку на своих джинсах. Так и есть – тело его. На лобке у него было большое родимое пятно, прямо там, где начинались уже понемногу курчавится волосики.

– Пацан, ты уже совсем офанарел? Что ты тут свои причандалы всей улице демонстрируешь? Я сейчас полицейского позову, отведёт тебя в участок и там будешь стриптиз показывать! Совсем уже обнаглели эти американцы, разврат во всём, уже вот такие мальцы письки свои всем светят прямо на улице, – заорала вдруг на него какая-то дамочка, не такая жирная, как предыдущая, но такая же противная и визгливая.

Миша, как ужаленный, рванул с места, вслед ему неслись ещё какие-то крики, но он уже ничего не слышал. Он бежал по типичной американской улочке с припаркованными по обеим сторонам автомобилями, вспоминая своё детство, которое он провёл на таких улицах. Не понимая, что с ним произошло, он просто выполнял первое правило наёмника – сначала выйти из зоны опасности, а потом принимать решение. И он бежал подальше от места предполагаемого конфликта. Конфликта, которого он не помнил. Пока не помнил.

Через час, вымывшись у какой-то колонки, и немного приведя себя и свои мысли в порядок, Миша Дудкин, он же Майкл Дудиков, он же бывший инструктор по рукопашному бою, сотрудник Национальной секретной службы США с позывным West, сидел в Humboldt Park у озера и собирал свои мысли в кучу.

Привычка быстро анализировать информацию не подвела Мишу – он сразу принял, как должное то, что он оказался в своём детском теле, переместившись из Сирии в Америку, то есть, не только во времени, но и в пространстве. Таким образом, он, погибнув в бою под Хашамом, то ли воскрес, то ли его сознание перенеслось в прошлое и подселилось в сознание маленького Миши Дудкина, который вот уже пять лет живёт с родителями в Чикаго, в квартале West Town. В этом районе находится сразу несколько, так сказать, национальных общин – это он помнил не только, как маленький Миша, но и как взрослый Майкл Дудиков, через много лет отслужив в армии США и став сотрудником одного из секретных отделов ЦРУ.

Итак, его родители поселились в West Town, в котором имеются общины поляков, украинцев, русских, словаков, сербов, пуэрториканцев, итальянцев, ирландцев, немцев и норвежцев. Поляки сконцентрированы в районах Pulaski Park, River West и East Village, украинцы – в районе Ukrainian Village, пуэрториканцы – в районах Wicker Park и East Humboldt Park, итальянцы – в районе Smith Park. То есть, эдакая сборная солянка, но с преобладанием белых, а, точнее, эмигрантов из Советского Союза и Польши. Вот сюда и приехали Дудкины.

Конечно, куда ещё ехать эмигрантам из Одессы? Если ты в Нью-Йорке – тебе прямая дорога на Брайтон-Бич, в Бруклин. Но с Нью-Йорком не сложилось – слишком дорогой город. Да и знакомых там у отца с матерью не было. А в Чикаго нашлись. Помогли с жильём, с работой. Конечно, не сразу всё наладилось, да и поселиться пришлось почти на границе с Humboldt Park. Всё дело в том, что Ukrainian Village – довольно дорогой район, а Humboldt Park – район менее благополучный, значит, более дешёвый. Он считается латиноамериканским, больше четверти проживающих там – пуэрториканцы. Цены на недвижимость здесь значительно ниже, зато уровень преступности выше. Миша в детстве постоянно дрался то с чикано, то с чёрными, то с итальянцами. Вот он в очередной раз и столкнулся с уличной бандой малолетних латиносов.

Память Михаила пока ещё плохо коррелировала с памятью маленького Миши, но постепенно он начинал вспоминать своё прошлое. Точнее, своё настоящее. Учился он сейчас в обычной Neighborhood school или Территориальной школе, то есть, школе, которая обслуживала учеников, которые живут поблизости. Потому что каждая улица в Чикаго относится к какой-то определенной начальной школе – elementary school и определенной средней школе – high school. Удобно – не надо тратиться на школьный автобус, все ученики живут рядом. Как раз Мише недавно исполнилось 12 лет, он заканчивал начальную школу и на следующий год ему надо было переходить в школу среднюю.

Пока в память Дудкина-взрослого понемногу поступали новые мегабайты информации из памяти Дудкина-маленького, надо было приводить себя в порядок, топтать домой и дальше уже думать, как ему жить. Судя по всему, он, Михаил Дудкин, получил шанс прожить свою жизнь ещё раз. Вот только теперь у него есть джокер в рукаве – его способности, умения и знания взрослого человека. И человека непростого – отслужившего в спецподразделениях армии США, прошедшего специальную подготовку, побывавшего у дьявола на рогах и в таких переделках, которые и не снились обыкновенному человеку. И уж, тем более, о которых и не мечтал маленький Миша. Который в Одессе, как все приличные мальчишки из еврейской семьи, пиликал на скрипке, не подозревая о том, что судьба забросит его сначала в далёкую Америку, а потом... Потом помотает по всему миру. И забросит в прошлое.

Надо бы, конечно, проверить, как его детское тело отреагирует на его боевые навыки, сможет ли его мускулатура, его скелет, связки и прочие детали организма выполнить нагрузки, к которым он, взрослый и умелый боец, диверсант, ликвидатор, привык за последние двадцать лет? То есть, за то время, когда его работой было воевать и убивать.

Но внезапно всё произошло само собой. Ситуация резко изменилась, и он моментально это почувствовал.

«Значит, всё моё осталось при мне. Раз чуйка работает, значит, всё остальное – тоже», – с удовлетворением подумал Михаил.

Группа подростков была типичной уличной шайкой. Пока шайкой. И даже не шайкой, а так – стаей уличных сорванцов. Лет через пять те, кто не угодит за решётку, кого не убьют в драке, и кто не сядет на иглу, собьются в настоящую уличную банду, которая потихоньку, с начала 80-х станет наводить ужас на отдельные районы Чикаго. Которые станут разделяться на благополучные и неблагополучные.

Благополучные – это в основном район The Loop, или Петля. В неё входят Near North Side, Near South Side, Streeterville и, конечно же, Lincoln Park. Все эти районы или кварталы – тесно примыкают друг к другу, это – прибрежная зона. Но это – и Центральная часть Чикаго. The Loop является вторым по величине деловым районом в США, это финансовый центр всего Среднего Запада. Здесь сосредоточены крупнейшие бизнесы, здесь самые высокие небоскребы города, а также большая часть архитектурных достопримечательностей. Есть здесь еще Old Town – Старый город, исторический центр Чикаго, есть Gold Coast – «Золотой берег» – пляжи и бутики, есть River North, где богачи построили огромные дома на берегу озера Мичиган.

Поэтому в таких районах обычно уровень преступности невысокий, к тому же полицейские патрули здесь на каждом шагу.

А есть в Чикаго и Bronzeville, Washington Park или West Garfield Park, где почти всё население – негры, есть Humboldt Park, где больше половины населения – латиносы, а 40% – чёрные. Вообще, большинство районов Чикаго – чёрные или смесь негров и латиноамериканцев. И вот к району, где жили украинцы – West Town, как раз примыкал район Humboldt Park. Да и рядом с украинским кварталом Ukrainian Village тоже жила община пуэрториканцев. Поэтому драки между украинцами и русскими, а также часто примыкавшими к ним поляками с одной стороны, и латиносами и чёрными с другой стороны были в порядке вещей. А сейчас в раздумьях о своей судьбе Михаил не заметил, как его занесло на берег озера как раз в Humboldt Park. Поэтому уличная стая малолетних будущих бандитов, застукав одинокого белого пацана, предвкушала скорую и показательную расправу.

Во главе цветасто разодетых пуэрториканских, мексиканских, колумбийских, кубинских, доминиканских и прочих латинских чикано, как это ни странно, был индеец. Именно индеец – Миша сразу узнал ярко выраженный типаж племени таино. В его спецгруппе в армии служил такой вот индеец араваки, очень похожий, кстати, на одного из киноперсонажей в фильме «Хищник». Того самого, с Арни Шварценеггером, который выйдет на экраны только через десять лет. Там был такой же колоритный индеец с огромным мачете. Правда, этому пацану до него ещё расти и расти.

У предводителя шайки мачете не было. Но был нож – вполне приличный клинок, вовсе не напоминавший перочинный ножичек. И этот «вождь краснокожих» всем своим видом показывал, что, не задумываясь, пустит своё оружие в дело. Не с пустыми руками были и остальные малолетние чикано. Правда, среди них затесалась и парочка мулатов, видимо, малолетние банды создавались по тому же этническому принципу, что и взрослые. То есть, чёрные – отдельно, латиносы – отдельно, а белые – само собой, отдельно. В ирландском районе О'Наре чёрных вообще практически нет. Впрочем, Дудкину от этого было не легче.

«Эти потомки конквистадоров и индейцев прирежут меня здесь и не поморщатся. Ай, как неудобно получилось, надо постараться никого не прибить на смерть... А смогу ли я? Надо будет как раз и проверить возможности моего организма...»

– Эй, ты, «снежок», ты чего сюда забрёл? Я вижу, тебе уже сегодня показали, кто ты есть? Ты ведь кайк, так ведь? Мы сейчас проверим, хорошо ли ты обрезан, еврейчик.

Миша неспешно поднялся и сделал шаг навстречу этому малолетнему «предводителю команчей». Пацан был явно года на два старше, да и выглядел он поплотнее. Мускулы уже проглядывали под его цветастой рубашкой, да и руки у мальчишки были уже не детскими. К тому же татуировки на них свидетельствовали о том, что некое посвящение в мужчины малолетка уже прошёл.

– Ты, рото, прежде чем пасть открывать, научись по сторонам смотреть, а то залетит что-то в неё – придётся потом доказывать своим приятелям, что случайно отсосал у дикой обезьяны, – с улыбкой проговорил Миша, смотря прямо в глаза главному хулигану.

Термин «рото» («потрепанный») используется для пренебрежительного обращения в Перу, Боливии и Чили, а также в латинских кварталах США. Миша это знал и надеялся вывести из себя главаря. Тогда можно будет быстро с ним расправиться и обойтись без лишних разборок с его командой.

Как и следовало ожидать, индеец моментально взбесился.

– Ах ты ж, хайми, ты у меня сейчас сам отсосёшь, я тебе рот твой расширю своим «пером», – заорал подросток и бросился на Мишу, размахивая ножом. Но в этом была его ошибка.

Дудкин понимал, что если бы на него напал мастер ножевого боя, то шансы выстоять и победить, несмотря на все его знания и опыт в единоборствах, были бы минимальными. Нет,

он бы смог что-то предпринять, но ценой глубоких порезов или тяжёлого ранения. С ножом шутки плохи, и умелый боец сможет за секунды нашинковать безоружного человека, пускай он даже супер-пупер мастер каких-нибудь боевых искусств. Это только в фильмах с голыми руками такие мастера разбрасывают вооружённых мечами, ножами и палками противников. В жизни всё гораздо проще и страшнее.

Поэтому Миша не стал выпрыгивать навстречу вооружённому ножом подростку и с криком «кия!» выбивать у него ногой нож. Не стал он так же ставить какие-то блоки или делать руками всякие там пассы. Он просто сделал три встречных удара – ногой и двумя руками. Поскольку нога длиннее руки, то удар в голень ноги набегавшего противника практически его срубил. Удар ребром стопы в надкостницу – очень болезненный удар. Но пока тот падал, Миша успел нанести ему рукой удар в лицо, прямо в нос, а второй рукой, точнее, ребром ладони – по руке с ножом, снизу вверх. Удар пришёлся точно в кисть, в болевую точку, после чего нож птицей выпорхнул из руки падающего «вождя». А рука сразу попала в захват Михаила.

Но на этом Дудкин не остановился – он моментально упал сверху на поверженного хулигана и коленом врезался в его грудь. Руку при этом он тут же взял на излом, повернув противника на живот. Индеец как-то утробно квакнул, зашипел от боли, но тут же заорал благим матом:

– Пусти, больно, руку ломаешь, пусти, чёртов хайми!

Миша повернулся к оторопелой шайке и крикнул:

– Чикано, если сейчас дёрнитесь, ваш вожак останется без руки. Я её так сломаю, что никакой доктор не исправит, понятно?

Из группы выскочил ещё один латинос, по виду похожий на пуэрториканца – голова у него была обмотана ярко-красным платком, как повязкой, под рубахой виднелась золотая цепочка, а джинсы этого модника были обшиты бахромой, прямо как в советских фильмах про индейцев.

– Отпусти Пепе, он же просто пошутил. Отпусти, а то я тебя сейчас с дерьмом смешаю, чёртов кайк!

Миша отпустил руку у поверженного Пепе и, не говоря ни слова, моментально выскочил навстречу понторезу в джинсах с бахромой. На этот раз он решил повыделываться – высоко подпрыгнув, в прыжке Дудкин нанёс своему противнику сокрушительный круговой удар ногой.

Этот удар в каратэ называется тоби микадзуки гери, хотя иногда его называют и тоби маваси гери. Все зависит только от ударной поверхности ноги – бьёшь ты боковой частью стопы, или верхней поверхностью стопы, а также голени. В китайском ушу этот удар называется сюань фэн цзяо – «стопа-вихрь», а во всем мире он стал известен как удар «торнадо». Его часто используют в ММА и тайском боксе. Техника этого удара построена на том, что, нагружая правую ногу, с неё делается прыжок вперёд-вверх, боец начинает вращение вокруг своей оси, пронося левую ногу и, закручивая себя, в прыжке наносит удар правой ногой в голову противнику. Удар довольно сложный, сильный и эффектный.

Собственно, на эффективность Миша и рассчитывал. Когда худенький невысокий подросток внезапно взлетел вверх, махнул ногой и Диего, как мяч, отлетел в сторону на несколько метров, упал и не встал, остальные чикано моментально притихли. Но гонор всё же взял своё, тем более что их главарь вскочил и заорал, брызгая слюной:

– Что вы смотрите, сыны ослицы, вас много, а он один! Валите его, быстро!

Но моментально заткнулся, так как Миша, не оборачиваясь, нанеся возбужнувшему предводителю в голову сильный удар ногой – уширо гери. Пепе снова как-то утробно квакнул и свалился без сознания. Миша смекнул, что надо показательно «скосить» ещё несколько самых шустрых из шайки, чтобы они успокоились и перестали на него напрыгивать. Нет, он, конечно, уже понял, что организм легко выполняет все его команды, а навыки его взрослого тела, до

автоматизма отработанные годами упорных тренировок и боёв в будущем, мозг спокойно переложил на его тело 12-летнего мальчишки. И, наоборот, его скорость и гибкость возросли многократно, а поскольку точность никуда не ушла, то особой силы и не требовалось. Поэтому разбросать всех этих чикано он мог за три минуты.

Но калечить Дудкин никого не хотел. Зачем? Да и проблемы с полицией ему были не нужны. И с этими будущими бандитами – тоже. Так что надо пацанов аккуратно и показательно приструнить, но не унижать. Эти латиносы чересчур гордые, мало ли, как там в будущем всё повернётся, лучше плохие друзья, чем хорошие враги.

Поэтому через пару минут на траве валялись ещё трое из нападавших, а остальные со страхом смотрели на спокойно улыбающегося мальчишку, который подошёл к их вожаку, похлопал его по щекам, потом протянул ему руку и, поднимая того с травы, сказал:

– Слушай, как тебя там зовут? Пепе? Давай нормально поговорим. Я не хочу вас убивать, но, если вы не перестанете меня доставать, мне придётся это сделать. Поэтому предлагаю просто поговорить – выскажете мне свои претензии, а я вам на них отвечу. И потом решим, кто из нас неправ, ок?

Глава восьмая. Мальчик-убийца

Если бы мы умели заглядывать в будущее, то, наверное, смогли бы заранее просчитать, как достигнуть всеобщего благоденствия с минимальными затратами. Ведь достаточно посмотреть, кто в этом будущем чем занимается, с каким результатом, что сделал правильно, а что неправильно – и всё! Сразу понятно, куда идти, на кого равняться и кто должен это наше будущее строить. Вот этот будет президентом, а вот этот – всемирно известным учёным. Заранее всех расставить по местам и создать им все условия. А вот и нет! Потому что когда люди проходят свой жизненный путь, то на этом пути они учатся, в том числе, и на своих ошибках. Но если они не будут совершать ошибки, значит, нарушится баланс их компетентности. Грубо говоря, человек, никогда не ошибавшийся, не сможет принять важное решение. Или примет решение неверное – ведь он не сможет взвесить все «за» и «против», проанализировать ситуацию и верно оценить все риски.

Так ребёнок, выросший в тепличных условиях, когда ему всё всегда позволялось и прощалось, вырастает чёрствым, злым и капризным. Как ни странно, такое сравнение можно применить и по отношению к целым государствам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.